

А. Воронов-Оренбургский

ЖЕЛЕЗНЫЙ ПОХОД

ТОМ 4

ВОЛЧЬЕ ЭХО

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

РОМАН ИЗ ЦИКЛА «ЭШАФОТ»

18+

Андрей Воронов-Оренбургский

**Железный поход. Том
четвёртый. Волчье эхо**

«Автор»

2017

Воронов-Оренбургский А.

Железный поход. Том четвёртый. Волчье эхо / А. Воронов-Оренбургский — «Автор», 2017

ISBN 978-5-532-07512-2

Середина XIX в. Кавказская кампания — самая долгая война в истории России, тянувшаяся почти шестьдесят лет и стоившая огромных финансовых потерь и человеческих жертв. Это была война, которая потребовала от своих героев не только мужества, но и изощренного коварства. Война, победа в которой завершала строительство самой великой из евразийских империй. Роман воссоздает события самого драматического эпизода Кавказской войны — похода русской армии в Дарго, резиденцию великого Шамиля, имама Чечни и Дагестана. В оформлении обложки использован фрагмент репродукции картины Франца Рубо «Кто кого?» Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07512-2

© Воронов-Оренбургский А., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Часть 1 Державная воля – русская доля	6
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	52
Глава 9	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Андрей Воронов-Оренбургский

Железный поход. Том

четвёртый. Волчье эхо

*Зажглась, друзья мои, война;
И развились знамена чести;
Трубой заветною она
Манит в поля кровавой мести!*

М. Ю. Лермонтов. «Война»

Часть 1 Державная воля – русская доля

Глава 1

Его сиятельство граф Михаил Семенович Воронцов, «убив» первый день на ответную милость и ласку к встречавшим его в станице Червленной офицерам Генерального штаба, следующий день посвятил кипучей деятельности. И почти с первого дня мнения его подчиненных разделились. У графа появилось много поклонников, но были и те, для коих он стал не без причины несимпатичен.

Фаворит Императора с честью и славой воевал с французами в Отечественную войну 1812–1814 годов; за сражение под Краоном он получил Георгия 2-й степени. «Это сражение, правда, не имело особенной важности. Мы приписываем себе победу, потому что удержали туры¹ благодаря традиционной стойкости русских войск и выгоды выбранной позиции. Тактических распоряжений тут почти не требовалось; но победителей не судят... Нет сомнения и в том, что граф М. С. Воронцов, командовавший войсками в этом сражении, проявил, как и во многих других баталиях, ту спокойную личную храбрость и хладнокровие, которое его всегда отличало».²

С 1815-го по 1819-й год граф Воронцов оставался во Франции со своим сводным гренадерским корпусом, который по возвращении в Россию был расформирован, потому что был больше похож на французское войско, чем на русское. Офицеры именно этого корпуса принесли с собою страсть к созданию политических тайных обществ, которые были тогда в большой моде во всей Западной Европе.

Политические убеждения самого графа на то время едва ли кто знал, кроме него самого... Вероятно, политический характер Михаила Семеновича сложился под двойным влиянием русской аристократии и английского взгляда на жизнь. В России Воронцова тем не менее называли либеральным вельможей. Однако трудно назвать «другом свободы» того, кто ставит свой произвол выше закона, кто не уважает ничьих прав, кто основывает управление огромным краем на системе тотальных доносов.

Граф Воронцов скорее мог быть либеральным и благонамеренным шефом жандармов, но всего менее либеральным вельможей. И не случайно генерал-адъютант Шильдер³, проезжавший через Ставрополь в Грузию (где на него было возложено следствие по зверским пыткам, которым были подвергнуты несколько нижних чинов), с прямодушием честного, благородного человека называл в приватной беседе Воронцова не иначе как патер Грубер. «И действительно, если граф не был генералом Иезуитского ордена, то без сомнения мог бы быть им»⁴. Он владел собой в совершенстве, и только легкое подрагивание губ выдавало его иногда в минуты сильного раздражения; но, право, и тогда обычная лисья улыбка не покидала его. Граф очень любезно и, как казалось, ласково говорил с человеком, которого уже решил для себя погубить. Чаше своих предшественников (кроме А. П. Ермолова) он прибегал к смертной казни даже в таких случаях, когда преступление ничего не имело военного или политического. Как-то были повешены разом девять горцев, уличенных в разбое, грабеже и убийстве. Во всех этих случаях

¹ Цилиндрические корзины, изготовленные из кольев, оплетенных хворостом, которые наполнялись землей и камнями; применялись для защиты от огня противника.

² Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

³ Ш и л ь д е р Карл Андреевич (1785–1853) – генерал-адъютант, инженер-генерал, с 1836 г. начальник инженеров Отдельного Гвардейского корпуса, с 1849 начальник инженеров действующей армии.

⁴ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

преступники судились по полемому уголовному уложению: иначе в пользу обвиняемых непременно явились бы смягчающие вину обстоятельства, и они не подверглись бы смертной казни.

Вместе с тем его сиятельство работал легко, весьма ревностно занимался служебными делами, но законов не знал, а попросту не желал знать. Когда ему однажды доложили, что отдаваемое им приказание противно закону, он возразил: «Ежели бы здесь нужно было только исполнять законы, Государь прислал сюда не меня, а Полный Свод Законов». Уже одно устройство перед его дворцом желтого ящика, куда бросали доносы, красноречиво свидетельствовало и о его характере, и о том, сколь мало у него имелось чувства законности. Граф охотно принимал всякие доносы, даже анонимные, справедливость которых изучали особые агенты путем тайной слежки и розыска. И можно без труда представить, какое вредное и тлетворное влияние оказывал сей метод на дисциплину и службу краевой администрации.

Физически граф был деятелен и подвижен не по летам. Каждый день, как часы, он ездил верхом по несколько верст и совершал длительные прогулки пешком. Домашний быт его был правильный и достойный, совершенно приличный его положению, без всякой мещанской роскоши. У него собирались по вечерам два, а то и три раза в неделю. Графиня Елизавета Ксавьеревна – утонченная, просвещенная женщина – старалась соединить грузинское высшее общество с русским. Супруга главнокомандующего по праву оставила о себе незабвенную память на Кавказе, первой обратив внимание на безвыходное положение дочерей кавказских офицеров. Благодаря бескорыстным стараниям графини упрочилась судьба и будущность сотен сирот и брошенных детей офицеров на Кавказе. Попечениями и пожертвованиями ею было устроено в Тифлисе воспитательное заведение Св. Нины, также в Ставрополе, и наконец в Эривани.

Ее туалеты были не особенно роскошны, но она надевала на себя фамильных бриллиантов на десятки тысяч рублей и, точно невзначай, замечала, если дамы являлись на ее вечера в одном и том же наряде. Досадным следствием этих нововведений было то, что лучшие грузинские фамилии беднели, а для служащих прибавилось новое искушение к незаконным стяжаниям и злоупотреблениям власти.

Весною обыкновенно начинались активные поездки графа преимущественно на левый фланг и в Дагестан, а затем в Пятигорск, где он проводил по месяцу и более. Вместе с ним двигалась его многочисленная свита и большая часть начальствующих лиц, но отнюдь не для надобностей службы, а чтобы показать и напомнить о себе. На воды обыкновенно приезжала и графиня со своими приближенными... И тогда образовывался какой-то «мадридский двор» с бесчисленными интригами и сплетнями. Ловкие люди с податливой совестью пользовались таким положением. «Злоупотребления от века были на Кавказе, но нередко они находили оправдания в особенностях края и нашего в нем положения. При графе Воронцове они не уменьшились, несмотря на его ревностные старания узнать тайными путями все, что делается в его обширном управлении. Его окружала целая плеяда людей с темным происхождением, с эластическою совестью, но при сем светски образованных и умело использовавших свою личную преданность. Увы, его сиятельство граф Воронцов часто сам становился то жертвою, то заложником интриг и лживых изветов своих клеветов и тайных агентов».⁵

Граф Михаил Семенович был на Кавказе в 1801–1805 годах двадцатилетним гвардейским поручиком, и понятно, что, являсь через 40 лет главнокомандующим и наместником, он не знал толком ни края, ни русского в нем положения. «С 1823-го по 1845 год он являлся новороссийским генерал-губернатором, где не имел никаких особых отношений к войскам, если не считать кратковременного эпизода осады Варны в 1828 году. Из этого понятно и то,

⁵ Г. И. Филиппсон, пристрастно относившийся к М. С. Воронцову, не совсем прав. Граф Воронцов имел и немалый опыт командования войсками; он был участником русско-турецкой войны 1806–1812 годов, в Бородинском сражении он командовал дивизией, затем командовал корпусом, который дислоцировался во Франции в 1815–1818. В 1828 году князь А. С. Меншиков, руководивший осадой Варны, был тяжело контужен и на его место назначен Воронцов; крепость была взята 29 сентября (11 октября) 1828, в награду граф Воронцов получил шпагу, украшенную алмазами, с надписью «За взятие Варны».

что он не знал ни общего строя военного ведомства в России, ни особенностей кавказских войск и, собственно, Кавказской войны. А между тем он должен был везде руководить, все решать и всех направлять. Как истый “британец”, он имел более сочувствия к гражданскому, чем к военному ведомству. Позже это дало повод во время Даргинской экспедиции генералу Лабынцеву⁶ сказать с его обычной солдатской грубостью: «Нам нужен главнокомандующий, а прислали нам генерал-губернатора».⁷

Еще в Новороссийском крае всем было известно нерасположение графа к русским людям и пристрастие к иностранцам, в том числе и к татарам. И нужно же было судьбе сделать такой зигзаг, что и начальником Генерального Штаба на Кавказе при Воронцове стал человек, который никого не любил, кроме немцев!

«Будучи православной веры, но, как убежденный англоман, граф исповедовал безусловную веротерпимость. Едва ли за всю свою долгую жизнь он выстроил христианскую церковь, зато мусульманскую мечеть, единственную на всем восточном берегу Черного моря, воздвиг в Цебельде, где население коренных абхазских племен считалось по большинству христианским, а в сущности не имело никакой веры. В Кабарде он тоже возобновил древний минарет, в котором мусульманское духовенство, помимо свершаемых молитв, призывало мужчин к священному Газавату»⁸. ...Как-то потребовалось определить права князей и ханов на земли в Малой Кабарде. Чернь хотела, чтобы это дело было разобрано по шариату⁹, а князья и беки – по адату¹⁰. Его сиятельство граф Воронцов с легкостью разрубил сей гордиев узел, сказав «золотые» слова: «Не один ли шут, ли бы суд был правый! Пусть разберут, ну-с, скажем... по шариату». И «разобрались» на свою голову... Дела на Западном и Центральном Кавказе вновь захромали на обе ноги, а на Восточном вообще вышли из-под контроля. При Алексее Петровиче Ермолове такого непотребства быть не могло. Еще в 1821 году прославленный генерал от артиллерии учредил Кабардинский временный суд именно для того, чтобы устранить суд по шариату, то есть по закону Магомета, уравнивавшему все сословия мусульман-горцев и дающему большее влияние духовенству, которое всегда откровенно было враждебно настроено к русским. И таких досадных промахов у графа случалось множество. Конечно, ближайшие лица обязаны были ему доложить о вреде, который произойдет из его распоряжения, но и они не всегда были виновны: Воронцов беспрестанно разъезжал по вверенному ему краю, принимал всех тепло, внимательно выслушивал бесчисленные просьбы местных жителей и тут же словесно отдавал приказания, часть которых нельзя было уже изменить».¹¹

⁶ Л а б ы н ц е в Иван Михайлович (1802–1883) – генерал от инфантерии с 1859, командир Кабардинского полка с 1838, начальник 19-й пехотной дивизии с 1845, командир 1-го армейского корпуса с 1856 года.

⁷ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

⁸ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

⁹ Шариат – комплекс юридических норм, принципов и правил, соблюдение которых обязательно для правоверного мусульманина. Нормы шариата зафиксированы как в Коране, так и в хадисах – преданиях о деяниях самого Мухаммеда, его решениях и заявлениях по разным вопросам жизни мусульманской общины, а также о деяниях его сподвижников. Собрание хадисов составляет сунну.

¹⁰ Под адатом понимается традиционное правосознание и правосудие кавказских народов, основанное на местных обычаях.

¹¹ ...Прибыв однажды в Прочный Окоп, он был встречен казаками с хлебом-солью. Ему поднесли два каравая и две солонки от двух групп уважаемых стариков, стоявших отдельно. Это обстоятельство обратило внимание графа, и он поинтересовался о причине такого странного разделения станичного общества. Один из седобородых старцев ответил: «Нам, ваше сиятельство, нельзя быть вместе... То люди, а мы – псы. Родимся мы, нас никто не крестит, церкви у нас нет; вера наша запрещена; женимся мы без венчания, околеваем без покаяния и святого причащения». Наместнику доложили, что большая часть жителей сей станицы и всего Кубанского полка закоренелые раскольники, что их молельня запечатана, и им не дозволяется никакого публичного проявления своей ереси. У графа задержались губы от возмущения. Он объявил, что в России веротерпимость, и тут же приказал, при всех жителях, отпереть молельню и позволить богослужение. Можно только вообразить последствия! Весть об этом «чуде» разнеслась по всей России-матушке; из Московской, Калужской, Саратовской и других губерний, с Дона и с Урала раскольники хлынули в Прочный Окоп венчаться у беглого попа, который беспрепятственно отправлял богослужение, запрещенное по всей России. Отменить распоряжение главнокомандующего никто не имел права;

...Многие видные военачальники и известные деятели Кавказа уже в первые месяцы правления нового наместника были разочарованы его политикой. Беспристрастно анализируя все виденное и пережитое, эта часть людей приходила к единодушному заключению, что генерал Граббе крепко ошибся в скоропалительной лестной оценке его сиятельства графа Воронцова.

Вот их резюме: «...Природа была не скупа, но английское барское воспитание многое испортило. Без должной веры и без национальности граф не мог сделаться истым гражданином своего Отечества; с огромным богатством и связями он не в состоянии был выработать в себе самостоятельных и твердых нравственных принципов. Пробыв 22 лучших года жизни в Одессе, где заслуга его состояла в том, чтобы смягчить для сего нового края жесткие и угловатые действия администрации, он сделался чуждым всего того, что составляет плоть и кровь русского солдата. Прибыв на Кавказ, ему совершенно не знакомый, он должен был всех учить, тогда как ему самому следовало бы всему учиться, ежели б ему не было тогда около 65-и лет»¹².

Вслед за назначением Воронцова с ним и за ним потянулись из Петербурга и со всех концов России сотни гражданских и военных маменькиных сынков и откровенных карьеристов. Следует сказать, что именно в эту эпоху левый фланг и Владикавказский округ сделался излюбленным краем всех сорвиголов, авантюристов, старателей, разбойников и просто искателей приключений, отличий и наград. Случалось, и нередко, что предпринималась какая-нибудь экспедиция или вылазка, стоившая немало крови, в виде угощения какого-нибудь важного гостя. Эти лихие походы доставили русской литературе¹³ и прессе, художникам¹⁴ и исследователям дикого Кавказа¹⁵ немало блестящих страниц, картин и набросков, но успеху общего дела не помогали, и более – были вредны коренным деятелям, офицерам постоянных войск, часто

да и самая отмена могла только усилить народное волнение. Величайшего труда стоило ближайшему начальству исподволь и со многими ухищрениями возратить дело к его законному порядку, причем едва не дошло до кровопролития! На Кавказе это «недоразумение» могло иметь в 1845 году особенное значение. Дело в том, что в линейном казачьем войске сектантов было значительно более, чем православных; особенно в Гребенском и Моздокском полках казаки были почти поголовно староверы и фанатично держались своего учения. То же можно сказать о Волжском, Хоперском, Кубанском и Кавказском полках; но вместе с тем это были лучшие, самые храбрые, надежные боевые полки. Лабинский полк был составлен из переселенцев с линии и из внутренних губерний; кроме староверов, там были: молокане, духоборцы, субботники и даже скопцы. Владикавказский полк и все Черноморие состояли из малороссиян, и между ними не было никаких сектантов. В гражданском населении Кавказской области преобладало православие, но внутри области жили ногайцы-магометяне (около 90 тысяч душ), армяне, калмыки и несколько иностранных колоний. Близкими соседями были осетины, считавшиеся христианами, чеченцы и кабардинцы – строгие мусульмане, черкесы (адехе) и абазинские племена, стоявшие за ислам, но при этом вполне индифферентные к вере. Вся эта область принадлежала к Донской епархии, и православное духовенство посвящалось в Новочеркасске. Духовенство казачьих войск было подчинено обер-священнику Кавказской линии, в Тифлисе. В таком хаотичном, разнородном обществе находилась православная церковь в этом обширном, взрывоопасном крае, коренное население которого большей частью было враждебно настроено к православию. И, конечно, со стороны графа Воронцова было безумие рубить с плеча и раздавать в таком «вавилоне религий» свои необдуманные «щедроты» и «милости». Весь край, и без того гудевший, что потревоженный улей, от бесконечной войны с горцами, мог вспыхнуть, как порох.... Фаворит Императора, между тем, не терял присутствия духа и не тужил по поводу неудач. Зная из доносов нелестные отзывы и прогнозы о своем правлении на Кавказе, он с неизменной улыбкой отвечал доверенным лицам: «Когда мне говорят, что построенное на песке непрочное, я возражаю: – А пирамиды?» // Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

¹² Там же.

¹³ А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Бестужев-Марлинский, Л. Н. Толстой. «События на Кавказе не только вдохновили на великие произведения классиков русской литературы, но и отразились в народной культуре, в частности, в жанре солдатской песни. А знаменитый Хазбулат удалой стал неотъемлемой частью русского песенного фольклора» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

¹⁴ Теодор Горшельт (1829–1871) – немецкий художник, автор многочисленных работ на тему Кавказской войны; Г. Гагарин, П. Захаров-Чеченец, М. Зичи, П. Смирнов, М. Лермонтов, Х.-Б. Мусаяссул, В. Тимм, Е. Лансере, А. Шамшинов, М. Юнсилац, Ф. Рубо, П. Руссель, К. Филиппов, Н. Чернецов, М. Самарская, Н. Сверчков, Коррадини и др.

¹⁵ И. Березин, А. Берже, С. Броневский, И. Дубровин, А. Зиссерман, Л. Люлье, О. Маркграф, В. Миллер, В. Потто, Ф. Торнау, П. Услар, А. Шегрен, Э. Челеби, Ю. Айдаев, И. Алироев, Д. Межидов, И. Асхабов, А. Бакланов, Н. Волкова, А. Лабоева, А. Гаджиев, А. Гольдштейн, У. Далгат, Ш. Инал-Ина, М. Ихимов, Ш. Казиев, И. Карпеев и мн. др.

несшим на своих плечах бремя той беспощадной войны и большей частью остававшимся в тени.

Многие из этих новых гостей Кавказа, понюхав порошу и потеряв друзей, вернулись восвояси, но очень много их осталось. Всех нужно было пристроить, а это было нелегким делом. Следствием сего явилось множество новых мест, должностей и управлений. «На бумаге это было благовидно, на деле очень дурно. При А. П. Ермолове гражданское управление в Грузии сосредотачивалось в канцелярии главнокомандующего; там было три отделения, которыми заведовали чиновники отнюдь не высокого класса. При графе Воронцове управление наместника состояло из нескольких департаментов, которыми заведовали тайные советники и сенаторы. В Главном Штабе было более 125 офицеров разных чинов. Главная квартира разрослась неимоверно! Нужно было иметь вдесятеро больше энергии, чем было у Ермолова, чтобы давать инициативу всей этой крайне сложной и громоздкой машине. У старого графа ее явно не хватало».¹⁶ В Главной квартире постоянно находилось бесчисленное множество людей праздных, интригующих, весело живущих и успевших уверить себя и других, что они делают важное дело и приносят пользу. Расходы на войну и на администрацию увеличились непомерно и тяжело легли на государственный бюджет. Число войск на Кавказе беспрестанно увеличивалось, а дело покорения Кавказа вперед не подвигалось.

* * *

Как бы ни было, но Кавказская война была благодеянием для русской армии – суровой школой, подобной петровской Северной войне и суворовским походам. Благодаря этой войне ей удалось сохранить свои бессмертные победоносные традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник.

«Малая часть огромной русской армии, заброшенная на далекую дикую окраину (но постоянно обновляющаяся свежими силами), свершила здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспантоны, ее не осквернили шпицрутены военных поселений, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией “линейного учения”. Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Суворовское «Мы русские, с нами – Бог!» огненным лучом пронизывает всю эпопею – от Иоры и Аскерани до Ведено и Гуниба»¹⁷.

В дебрях чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек крепла воля, закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Из одних выковывались Котляревские, из других – Архипы Осиповы¹⁸. И эту русскую боевую сноровку, эти боевые традиции, эту науку побеждать кавказские полки передавали из поколения в поколение, показывали ее во всех своих дальнейших встречах с врагом – при Башкадыкларе и Кюрюк-Дара, в хивинских и текинских походах, на Аладже и при Деве-Бойну и после, много лет спустя, при Сарыкамыше и Эрзеруме, под Ивангородом и Козеницами, на Бзуре и на Сане... «Вот почему нам должна быть бесконечно дорога каждая капля русской крови, пролитая здесь, между тремя морями, должен быть дорог каждый стрелянный здесь патрон. И

¹⁶ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

¹⁷ Керсновский А. А. История русской армии. М., 1993.

¹⁸ В 1840 году, в последних числах февраля, вспыхнуло поголовное восстание всех лезгинских и черкесских племен. Скопища горцев овладели после отчаянной защиты фортом Лазаревым и укреплениями Николаевским, Вельяминовским и Михайловским. Михайловское укрепление занимали 400 тенгинцев и линейцев 5-го батальона под начальством штабс-капитана Лико. Горсть героев три дня отбивала 12 000 черкесов. Когда неизбежное совершилось и лавина горцев ворвалась в укрепление, рядовой Тенгинского полка Архип Осипов взорвал его на воздух с остатками гарнизона и победителями. Имя героя навсегда осталось в списках полка и вызывалось с тех пор в перекличке.

должна быть священной память всех вождей, отцов-командиров и рядовых бойцов, не давших угаснуть русскому духу!»¹⁹.

¹⁹ Керсновский А. А. История русской армии.

Глава 2

26 мая на место сбора прибыл сам главнокомандующий граф Воронцов с сопровождавшими его лицами из Северного Дагестана; и Ташки-чу оживилось во всех отношениях. Граф делал все распоряжения к предстоящему походу, постоянно совещался с прибывающими в форт начальниками частей и в особенности с генералом Фрейтагом.

Роберт Карлович, опытный командир знаменитого Куринского полка, был человек умный, предприимчивый и большой мастер уживаться с людьми. О нем давно говорили: «Он немец, каких русских мало». И то правда: энергичного сорокатрехлетнего боевого генерала любили все подчиненные и особенно прикомандированные гвардейские офицеры, которые пользовались его открытым гостеприимством и добрым сердцем. Фрейтаг был опытным, смелым генералом, не раз ходившим на волосок от гибели и воочию знавшим доблесть и ярость мюридов Шамиля. Служба командира куринцев проходила на передовых рубежах, в диком краю, который являлся театром беспрестанных военных действий против Шамиля и подвластных ему племен.

К сожалению, последние неудачные действия генерала Граббе в Чечне, где русская сторона потеряла до четырех тысяч человек²⁰, придавали событиям размеры не локальной, «туземной» войны, а войны европейского масштаба.

Причин тому было несколько, и их хорошо знали опытные ветераны кавказского фронта. Еще в 1833 году генерал Вельяминов, соратник Ермолова и его рьяный последователь, составил подробный проект для Государя Николая Павловича, в котором излагал свое понимание методов ведения Кавказской войны. Основная мысль сего труда заключалась в том, чтобы продвигаться вперед медленно, но безостановочно, плотно заселяя завоеванные пространства переселенцами из внутренних губерний и казачеством. Среди конкретных мероприятий, предложенных Вельяминовым, было неукоснительное лишение горцев пастбищ (и вместе с тем лошадей для набегов), уничтожение полей и фруктовых садов горцев в течение нескольких лет подряд, тотальное изъятие огнестрельного оружия у мужчин, постройка Черноморской береговой линии с целью прервать сношения с Турцией и пресечь скрытую помощь мюридам «двуликой» Англии.

Сами наибы и военные вожди горцев не раз заявляли на переговорах с русскими генералами, что-де они к неверным англичанам испытывают неодолимое отвращение и презрение... оттого-то они якобы никогда не прибегали к ним за помощью. Но это была знакомая тактика лукавого Востока. Английские суда как до, так и после Крымской войны с завидной регулярностью доставляли контрабандой на побережье Кавказа оружие и боеприпасы. «Непреодолимая ненависть к англичанам» отнюдь не мешала Шамилю во время Крымской войны вести бойкую переписку с британским генералом Р. Вильямсом, находившимся в Карсе²¹.

Его Величество Николай I нашел проект генерала весьма основательным, но не дал ему хода по причине того, «что это помешает окончательному покорению горцев в сем году». Тем же числом Вельяминову была передана высочайшая собственноручная резолюция на его рапорте: «Дать горцам добрый урок, чтобы они на первых порах обожглись».

«Добрый урок» включал в себя постройку Николаевского укрепления, над которым горцы... не могли не смеяться. Горько посмеялся над этим уведомлением и сам Вельяминов: «С такими установками... наша армия для врага, как безопасная бритва для волос. Что ж,

²⁰ Имеется в виду пятидневный (с 30 мая по 4 июня 1842 года) поход отряда П. Х. Граббе, закончившийся полной неудачей русских войск.

²¹ Карс – турецкая крепость, один из ключевых пунктов на кавказском театре военных действий. Она была взята русскими войсками 23 (по ст. стилю) июня 1828 г.; но после заключения Адрианопольского мирного договора была милостиво возвращена туркам.

цыпляют по осени считают. Тогда же подсчитывают и убытки от их падежа. Посмотрим, что будет с нашей армией. Как видно, Россия еще не раз заставит содрогнуться грядущие века от того, сколько она заплатила за настоящее».

* * *

– ...А годом позже, ваше высокопревосходительство, – Роберт Карлович Фрейтаг отогнал нахлынувшее раздражение, но что-то ожесточенное, наблевшее шевельнулось в эту минуту в его душе к петербургским «стратегам», – пришел новый приказ Его Величества... построить ряд форпостов по восточному берегу Черного моря... Вельяминову же приказано было послать из Геленджика один батальон навстречу другому, коий будет послан из Гагр. Эти батальоны должны были пройти по всему берегу, – командир куринцев недобро усмехнулся, прямо посмотрев в пытливые глаза главнокомандующего, – и возвратиться к своим отрядам, «дабы получить ясное понятие о топографии сего края».

– И что же Вельяминов? – отхлебывая чай из фарфоровой чашки, учтиво поинтересовался граф Воронцов. – Выполнил Государеву волю?

– Никак нет, ваше сиятельство. Однако смею уверить, Вельяминов – храбрый боевой генерал, – твердо констатировал Фрейтаг. – Но он еще и прекрасный знаток границы. Посланный им батальон был бы истреблен скопищами татар не далее следующего дня по выходе.

– Вы в этом убеждены?

– Голову даю на отсечение. Надо знать Кавказ, ваше высокопревосходительство. И наши возможности на сегодняшний день.

– И вы их, конечно, знаете, генерал?

– Надеюсь, ваше высокопревосходительство... По мере сил.

В тесном кабинете главнокомандующего, который временно располагался в скромных апартаментах кумыкского пристава майора Кишинского, сгустилась тишина. Слышно было, как басовито и тягуче гудел под потолком залетевший из степи овод, а на дворе заходился в хрипучем крике хозяйский петух.

Господа молчали, потягивая приятный в жару прохладный зеленый чай, но в голове каждого билась одна и та же отравляющая душу мысль: «В Петербурге и не подозревают, и не хотят знать, что мы имеем здесь дело с полумиллионным горным населением!.. Никогда не знавшим над собою хомута власти... храбрым, воинственным, отнюдь не разрозненным, прекрасно вооруженным и имеющим в своих родных, заросших лесом трущобах на каждом шагу неприступные природные крепости. А там, в столице, по-прежнему наивно полагают, что черкесы и дагестанцы, чечены и ингуши – не более как возмущившиеся русские подданные, уступленные России их законным повелителем, султаном, по Адрианопольскому трактату!»

– Вы разделяете мнение Вельяминова, Роберт Карлович? – спокойно и холодно прозвучал голос графа.

– Более чем, ваше высокопревосходительство.

– И тоже полагаете, что планируемая мною экспедиция в Дарго... в это логово Шамиля в Чечне – нонсенс? И это при двенадцати тысячах штыков и сорока шести орудиях?!

– У Граббе, ваше сиятельство, осмелюсь напомнить, тоже было немало штыков. Десять тысяч человек при двадцати четырех орудиях, но сколь плачевен итог! ²²Горная местность совершенно не благоприятствует действиям крупных масс войск и их громоздких обозов.

– Довольно, генерал. Мне понятно ваше *une opinion très concise*²³. Тем не менее благодарю за прямоту.

Фрейтаг с некоторой поспешностью попытался было аргументировать свою позицию, но Воронцов, сделав вид, что не слышал его слов, склонился над разложенными перед ним ланд-

²² Наши потери составили: 70 офицеров, 1800 нижних чинов и одно орудие.

²³ Предвзятое мнение (*фр.*).

картами. Уже через минуту порывисто оторвал взгляд от бумаг и остро взглянул на почти-точно стоявшего перед ним генерала.

– Осуждение деяний – это роскошь для слабых наблюдателей, *mon cher*. Большие победы требуют больших жертв.

Граф в полной форме, блистая орденами и звездами, подошел к бюро, открыл табакерку слоновой кости и сделал то, что проделывал всякий раз, когда был в хорошем настроении либо, напротив, озабочен какой-либо неприятностью: достал щепотку французского табаку и с вожделением поднес ее к носу.

– All is well what ends well.²⁴ Покорение Кавказа сложно... но можно. Политические решения, как и военные, должны быть без судорог и сомнений – вот мой девиз.

– Но экспедиция в летнее время!.. Это рискованно... безрассудно, ваше сиятельство. Дождемся снега...

– Риск я беру на себя, генерал. Риск – это мое ремесло. А вот с вашей стороны, милейший, действительно безрассудно озвучивать свои мысли в моем присутствии. Паче прочего, когда сия военная кампания одобрена Императором и возложена на меня. Фуражки подбирают по голове, а не наоборот, друг мой. Надеюсь, я понятно сказал?

– Так точно, ваше высокопревосходительство.

– А теперь, когда между нами все прояснилось и стало прозрачным... давайте порассуждаем начистоту, голубчик.

Его сиятельство светло улыбнулся застывшему навтыжку Фрейтагу и милостиво указал тому на стул.

– Что делать, генерал? Жизнь и смерть всегда ходят рядом, но ничего не знают друг о друге. Согласитесь со мной, зло – понятие относительное. Природа крайне жестока. Бог убивает не глядя. Так должны поступать и мы, отбросив все предрассудки нравственности и прочие гримасы цивилизованного общества. Перед нами жестокие злобные дикари, для которых решительно нет ничего святого. Ни уважения к иной вере, ни к пленным, ни к женщинам и детям, наконец. Все это бесчинство и «людоедство» мы терпим вот уже тридцать лет! А посему я убежден, что нам следует держаться доктрины²⁵ наших североамериканских коллег: «Хороший индеец – мертвый индеец. Убивать всех подряд! Не жалеть ни женщин, ни детей. Из гниды вырастает вошь!» Ведь ровно так с нашими мирными поселенцами поступают эти варвары.

– Боюсь, как бы нам не пришлось пожалеть о сем, ваше сиятельство. Не в духе русского солдата быть душегубом женщин и детей.

– А вы не бойтесь. – Граф упорным и значительным взглядом воззрился на продолжавшего стоять Фрейтага. – Вы, любезный, генерал или сестра милосердия?

– Но... как же быть... с уважением к противнику? – сыграв желваками, сухо заметил Фрейтаг.

– Полноте, Роберт Карлович... Вы разве с французами или австрийцами воюете? – язвительно спросил главнокомандующий, щуря голубые глаза. – Не забывайте, Россия – Империя. А Империя не смазливая барышня, чтобы ей объяснялись в любви. Империи плевать на обморочные вздохи и осуждающее мнение других. Это ее обязаны уважать за силу и мощь. Либо она... заставит себя уважать! Увы, во все времена мир признает только силу и остроту стали.

Аскетичное лицо графа осветила приятная улыбка. Очевидно довольный пафосом сказанного и тем, с каким почтением его слушал прославленный генерал, он вновь перешел на привычный покровительственный тон.

²⁴ Все хорошо, что хорошо кончается (*англ.*).

²⁵ Учение; научная или философская теория; система; доктрина Монро – «Америка для американцев» – принцип внешней политики США, установленный в 1823 году президентом Монро; в момент своего провозглашения, когда США были еще слабым государством, доктрина Монро была направлена против опасности агрессии со стороны крупных европейских держав, но уже в XIX в. эта доктрина превратилась в орудие империалистической политики американцев.

– Вы еще молоды, мой отважный друг, а посему доверьтесь моим сединам. Любое «право», любое «табу» сметается под шагом прогресса. Знайте и то, что на нас возложена Богом великая миссия вырвать этих несчастных дикарей из пут варварства и заблуждений. И ежели они нынче не понимают сего блага и яро противятся, то это их беда... Уверен, наши заслуги по достоинству оценят их потомки... Так пусть хоть этот довод вам послужит оправданием и для истории, и для себя, когда мы понесем на штыках своих солдат цивилизацию и закон в эти мрачные горы. И лучше помолитесь за тех, генерал, кто стоял, стоит и кто будет стоять на защите Отечества.

– Что ж, будем надеяться: будущее не так печально, как прошлое... И мы сможем его изменить. – Командир Куринского полка держал паузу, и Воронцов из-за слепящего солнца, что заглянуло в окно, не мог рассмотреть выражения его лица. И только в голосе, когда тот продолжил, послышалась едва уловимая тревога: – Они тоже молятся Богу... своему Богу...

– Бог один на всех! – Участливая улыбка сошла с лица графа. – А молитвы наши близки, потому что кровь, генерал, у всех людей тоже одна. Все... боятся смерти, что бы там ни говорили Коран или Библия... И право, никто не хочет умирать. Но это война, милейший, а мы солдаты. В конце концов, если никто не гибнет, то гибнет Империя – это закон.

– Меня не надо ни в чем убеждать, граф. Я боевой генерал и жду приказов. Но я еще и один из тех, кто ответствен как за исход кампании, так и за жизнь солдат. Да... кровь неизбежна, но лучше, чтобы ее было меньше. Именно поэтому я считаю своим неукоснительным долгом предупредить ваше высокопревосходительство. Шамиль – архиопасный противник: хитрый, мудрый, коварный, бесстрашный. Власть его абсолютна над горцами. Его проповедь Газавата на принципах тариката²⁶ как никогда сильна! После взятия горцами Гергебиля в сорок третьем они не раз предпринимали опустошительные набеги до Кизляра и даже Ставрополя. Шамиль за эти последние годы, с упразднением стратегии Ермолова, Вельяминова, Цицианова, до такой степени усилился, а мюриды его стали настолько дерзки, что он смог предпринять наступальное движение на Кабарду и безнаказанно возвратился... хотя и был окружен войсками... К стыду нашему, в сем позорном деле мы ограничились лишь тем, что, пропустив Шамиля через Терек у Ольховского аула, сделали несколько безвредных пушечных выстрелов по хвосту его многотысячной партии. Таким образом, ваше высокопревосходительство, – по военному жестко подвел черту Фрейтаг, – после безнаказанного посещения Шамиля кабардинцы, как пить дать, убеждены в его могуществе и нашем бессилии.

– Что?! Опять Ермолов! Опять Вельяминов! Вспомните еще Дмитрия Донского! Так что вы, *bon sang*²⁷, этим хотите сказать? – Чисто выбритое лисье лицо графа больше приятно не улыбалось, узкие губы задергались, предательски выдавая состояние главнокомандующего. – Я уже имел удовольствие это слышать от генерала Нейгардта, когда он сдавал мне свои полномочия, от Заводовского от Меллера-Закомельского²⁸, от Пассека и многих других. Так что же?!

– Только то, что на сегодня в этом крае мы находимся в положении более худшем, чем десять лет назад. Все огромные жертвы людьми, деньгами и временем пропали даром.

– Для этого... я и направлен сюда Государем. – Михаил Семенович оперся ладонью о золотой, украшенный бриллиантами эфес наградной «за взятие Варны» шпаги. – Обрубить когти сему зверю! Посадить его на цепь и восстановить в крае должный порядок.

²⁶ Тарикат (от *араб.* таррика – дорога, путь) – метод мистического познания и религиозно-нравственного совершенствования суфия (мусульманского мистика). Особое значение в тарикате имеют отношения учителя и ученика (шейха и мюрида). Изначально форма тариката, проникшая на Кавказ, не носила агрессивного характера, это было скорее учение монахов, чем воинов. Однако в интерпретации имама Шамиля и его воинственных сторонников тарикат приобрел агрессивный характер, путь человека к Богу в кавказском тарикате связывался со священной религиозной войной.

²⁷ Черт возьми! (*фр.*).

²⁸ Заводовский Николай Степанович (1783–1853) – генерал от кавалерии, наказной атаман Черноморского казачьего войска (с 1830), с 1845 временно командовал войсками на Кавказской линии и в Черномории, Меллер-Закомельский Петр Петрович – барон, в 1845 полковник, сменил Р. К. Фрейтага на должности командира Куринского егерского полка.

– Простите, ваше сиятельство, но полагаю... в нынешних обстоятельствах сие невозможно.

– В России любят невозможное, генерал. Разве для вас это новость?

Твердым, но легким шагом граф, с сознанием величия своего возраста и положения, обошел стол так, чтобы полуденное солнце не слепило ему глаза и, подойдя к Фрейтагу, с вкрадчивой насмешкой сказал:

– Доколе... вы будете препираться со мной, генерал? Стыдно. Приберегите свои вольт-фасы²⁹ для неприятеля. Кто знает, возможно, на этой «кости», о коей мы спорим, таки больше мяса, чем мы оба думаем...

Его сиятельство графа Воронцова, оваянного немеркнувшей славой Бородина и Краона, фаворита самого Государя, а теперь еще и наместника, и главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом в одном лице, Фрейтаг видел столь близко впервые. Он против воли испытал жаркое давление в груди и некоторую неловкость за свою прямолинейность.

– Прошу простить меня, ваше высокопревосходительство. Я лишь хотел предупредить вас, что ваш враг, наш враг... Словом, он самый великий человек на Кавказе... – избегая взгляда Воронцова, поторопился с ответом Фрейтаг.

– Бесспорно, генерал. – Граф с наигранным согласием наклонил голову, но тут же вновь насмешливо усмехнулся. – Но ваш Шамиль не одинок... Теперь нас двое... великих героев Кавказа. А скоро останется один. Из двух соперников побеждает сильнейший. И вы мне можете, не так ли?

Граф ободряюще похлопал Фрейтага по плечу и, скрестив руки на груди, уже серьезно добавил:

– В моей жизни побед было больше, чем неудач, генерал. Не думаю, что сей поход на Дарго... исключение.

Михаил Семенович в хорошем расположении духа снова потянулся за табакеркой с портретом Николая I, когда в кабинет вошел адъютант Галатерси с пакетом в руке.

– Прошу прощения, господа. Еще курьер от князя Бебутова. Срочно, ваше сиятельство. Честь имею.

²⁹ Внезапный поворот лицом к преследующему врагу (*воен.*).

Глава 3

Как и планировалось, для военных действий с Шамилем в Андии графом Воронцовым были сформированы два отряда – Чеченский, под начальством командира 5-го пехотного корпуса генерала от инфантерии Лидерса, и Дагестанский, под началом командующего войсками в северном Нагорном Дагестане генерал-лейтенанта князя Бебутова. Поскольку важнейшие действия в Даргинском походе предстояли именно этим двум соединенным отрядам³⁰, то главное начальство над ними принял лично главнокомандующий.

Наконец 28 мая Главная квартира с ее тяжестями, бесчисленными штабами и громадною, поражающей воображение гомеровским размахом свитою тронулась в поход в крепость Внезапную – последний форпост России, где была назначена дневка.

...Под звуки кавалерийской трубы и гремучий треск барабанов бодро вышедшему за ворота крепости Воронцову вестовой подвел чистокровного английского жеребца. Тысячи глаз, наблюдавших за главнокомандующим, подивились той легкости и сноровке, с какой тот метнул на седло свое жилистое старое тело.

– Держать за мной! – коротко приказал адъютантам граф и, вскинув в приветствии над головой правую руку в белой перчатке, пустил жеребца машистой рысью вдоль выстроившихся войск.

Кони свиты шли дружно, ноздря к ноздре, в корпусе или чуть далее жеребца командующего. Английский скакун графа то и дело требовал поводьев, выгибал благородную шею, косил агатовым глазом на седока, горячася, взлягивал, сверкая серебром подков.

Тысячи людей, перетянутых ремнями ранцев и ружей, портупей и подсумков, увешанных оружием, оглушили равнину раскатистым «Ура-а!».

На глазах графа искрились слезы, в которых отражались загроможденные свинцовыми белилами рассвета пенные облака, мундиры и бурки, фуражки и папахи, сабли и штыки, усы и бороды его воинства, шеренги которого растянулись на три версты аж до самого взгорья.

Главнокомандующий время от времени придерживал поводья, и для каждого полка егерей и казаков у него находились теплые отеческие слова.

– Навагинцы-ы! Не посраим славу наших отцов и дедов! Знаю, привыкли вы, богатыри, на чужбине далекой врагов не считать.

– Ур-ра-а-а-а! – гремело ответное, грозное.

³⁰ Состав Чеченского отряда: Пехоты: 13-й пехотной дивизии 1-й батальон Литовского егерского полка. 15-й пехотной дивизии: 1-й и 3-й батальоны Замостского егерского полка. 20-й пехотной дивизии: 3-й и 4-й батальоны Навагинского пехотного полка, 1-й, 2-й и 3-й батальоны Куринского егерского полка, 3-й батальон Кабардинского князя Чернышева полка, две роты 5-го Саперного батальона, одна рота Кавказского стрелкового батальона. Две дружины Грузинской пешей милиции в 1000 человек. Итого 12 батальонов, 3 роты саперов и стрелков, 1000 чел. милиции. Конницы: Кавказских линейных казачьих полков: Кавказского 2 сотни; Кубанского – 1; Ставропольского – 1; Моздокского – 2; милиции Кабардинской и Дигорской – 2; Грузинской – 5. Итого 13 сотен. Артиллерии: Кавказской гренадерской артиллерийской бригады: горной № 1 батареи 6 орудий и 4 мортиры; 14-й артиллерийской бригады: легкой № 5 батареи 4 орудия; 20-й артиллерийской бригады: горной № 4 батареи 6 орудий, легкой № 7 батареи – 4 орудия, Донской конной № 1 батареи – 4 орудия. Итого 28 орудий. Перевозочные средства: черводарский транспорт – 1000 вьючных лошадей; запасного парка 14-й арт. бригады – 25 ящиков; 200 выюков. 2. Состав Дагестанского отряда: Пехоты: 14-й пехотной дивизии: 1-й и 2-й батальоны Минского пехотного полка, 1-й и 3-й батальоны Житомирского егерского полка. 19-й пехотной дивизии: 1-й, 2-й и 3-й батальоны Апшеронского пехотного полка, 2-й пехотной дивизии: 1-й и 2-й батальоны Кабардинского князя Чернышева полка, две роты 5-го Саперного батальона, две роты Кавказского стрелкового батальона. Итого 9 батальонов, 4 роты саперов и стрелков. Конницы: Кавказских линейных казачьих полков: Гребенского – 1 сотня, Кизлярского – 1/2 сотни, Донского казачьего № 47 – 1/2 сотни, дагестанских всадников – 126 человек. Итого: 3 сотни. Артиллерии: 14-й артиллерийской бригады: батареи № 3 – 4 легких орудия; легкой № 3 – 5 орудий; 19-й артиллерийской бригады: легкой № 3 – 2 горных орудия; горной № 3 батареи – 8 орудий и ракет. Итого 18 орудий и 7 ракет. Перевозочные средства: черводарский транспорт – 1000 вьючных лошадей, полубригада конно-подвижного магазина – 380 вьючных лошадей.

– Куринцы и замостцы! Верю, ежели и есть опасность в горах, то не вам, орлам, избегать ее!

– Урр-ра-а-а! Ур-ра-а-а!!

– Казаки! Доблесть и опора наших границ! Государь рассчитывает на вас! Оправдаем доверие!

– Урр-ра-а-а!! Ур-ра-а-а!..

Граф окоротил резвого жеребца, углядев в строю седоусых ветеранов, и со свойственной ему участливостью, желанием ознакомиться с чаяниями и духом своих подчиненных, спросил:

– Ну-с, как настроение, отцы? Не поздно ли воевать вам?

– Как поздно?! – обиженно шевеля снежными усами, возмутился старший из них. – Воевать никогда не поздно, ваш сясь. У русского солдата возрасту нет.

– Так сколько ж вам лет?

– А чойт их, годы-то, считать... Все наши. Вы тоже не из зеленых будете. Приказу нам дайте, ваш сясь... Поглядите в бою. Мы старой закалки, нам главное – знать свой маневр. А лихо наше мы с кашей ждем...

– Где был ранен, герой?

– Я-то, отец вы наш, семь разов басурманом калечен, – непринужденно улыбнулся бороздами морщин ветеран. Уродливая из-за шрама улыбка надвое рассекла лицо. – А вон Григорию ухо пулей оторвало при Темир-Хан-Шуре. Уж не взыщите, ваш сясь, что не по полной форме встречаем вас. Кой-чо растеряли... за цареву службу.

В рядах гакнули смехом: «Мордуют тебя черти! Опять задает дядька Мирон!»

– Хочешь, я произведу тебя, герой, в унтер-офицеры? – Граф Воронцов пытливо посмотрел на егеря.

– Только не это, ваш сясь. Благодарствую. Кошкой, которая ловит мыша в зеркале, я уже был при Зырянах³¹. В рядовых оно мне сподручней со смертью обняться будет.

– Как знаешь, герой. Ни пуха тебе, ни пера!

Главнокомандующий бойким скоком въехал на охристую хребтину солончака. Конь, попадая задними на глинистый сланец, оскальзывался, пружиня, наддавал на все ноги, храпел, но граф в надежной посадке крепко сидел на его спине.

Приструнив скакуна, Воронцов охватил командным взором застывшие в ожидании батальоны. Терпкий ветер с бескрайней кумыцкой степи трепал седой, подвитый цирюльником-итальянцем ковыль его волос, ворошил шелковистую гриву коня.

Далекий взор Михаила Семеновича бродил какое-то время по ледниковым пикам Кавказских гор, по узким мрачным ущельям, по каменистым распадкам и козьим тропам, по альпийским лугам и где-то еще...

Солдаты и офицеры, казаки и горская Туземная дружина, артиллерийская обслуга и ротные каптенармусы³², охотничьи артели Кабардинского и Куринского полков, гуртовщики и транспортники обозов, фуражиры и ремонтники, не спускавшие глаз со своего полководца, невольно проследили за его взглядом, переводя глаза на могучие цепи далеких гор, на слюдяной глянец их молчаливых скатов, на синюю прѣжилъ скалистых хребтов, покрытую предрасветной ретушью... и каждый подумал о чем-то своем...

В застойной тишине, сквозь стальную сизь оголенных штыков и казачьих пик, голос Михаила Семеновича прозвучал напряженно, рублено, стойко:

³¹ В 1843 году Авария была потеряна для русских. Занимавший ее отряд полковника Пассека успел выступить из Хунзаха, но был блокирован в Зиярянах, где героически отбивался целый месяц – с 18 ноября по 17 декабря. Отряд генерала Гурко был 8 ноября заперт в Темир-Хан-Шуре. На выручку вышел Ключи фон Ключенау. 14 декабря он деблокировал Гурко – и оба русских отряда, соединившись, выручили Пассека.

³² Нижние чины, ответственные за хозяйственную деятельность роты.

– Я – наместник Кавказа и главнокомандующий граф Воронцов – перед лицом общего строя объявляю: долг солдата, долг слуги Отечества и Государя заставил меня в эти тяжелые для России дни быть вместе с вами, потому как истинный сын русского народа всегда погибает на своем посту и отдает в жертву Отечеству самое дорогое – свою жизнь. Солдаты и офицеры, казаки и союзные России, возможно, мы идем на смерть, но мы исполним возложенную на нас Высочайшую волю во благо нашей Святой Отчизны. Верую, что бой, который мы дадим супостату, будет достойным нашей славы. Эта битва положит конец господству тирана и деспота Шамиля на Кавказе. А из захваченных орудий противника... я прикажу отлить колонну в честь вашей немеркнувшей доблести!

* * *

...Покуда тысячи идущих на смерть людей, затаив дыхание, в молитвенном напряжении ловили каждое слово своего отца-командира, в пышной камарилье Главной квартиры, что располагалась особняком от общего строя, шел свой тихий «листопад» речей, смешков и намеков. Сверкавшая звездами и крестами столичная свита с первого дня приезда на Кавказ кишела интригами и людьми со светским лоском и «эластической» совестью. В этой среде издавна любили слушать лишь звук собственного голоса, оказываться в нужный час и в нужное время там, где театр действий сулил выгоду, резвый карьерный рост и уж как минимум «новый орден в петлицу».

– Tu l'as échappé belle!³³ Вас не настораживают, генерал, все эти помпезные декорации? Проникновенно, но пошло. Похоже, наш «золотой старик» обходится казне дороже, чем все фаворитки Его Величества... N'est-ce pas?³⁴

– Возможно, вы правы, Гагарин. Такого же мнения о Воронцове и принц Гессенский со всей его свитой. Но граф – человек с тремя руками: две своих и одна в царском дворце... Видит Бог, одно его слово Государю – и все люди мужского полу в России завтра наденут военную форму... И горе тому, кто ослушается...

– Нет, это решительно забавляет. Ей-Богу, первый раз вижу, что на войну отправляются, как на коронацию. Интересно, граф взялся на старости лет за это безнадежное предприятие за вдохновенную благодарность Его Величества... и только?

– Думаю, не ошибусь, ваша светлость, что после сей экспедиции, несмотря на ее исход... он выбьется в светлейшие князья.

– Да ну?

– Поживем – увидим. Граф много тщеславен. Хитер, как лис, и далеко не прост, каким желает казаться. Былая слава Меншикова и лавры Потемкина... их княжеское достоинство, похоже, не дают графу покоя.

– И все же добровольно лезть в огнедышащую пасть дьявола... В его-то годы!.. Нет, что ни говорите, генерал, старик, ей-Богу, безумен.

– Но не более, чем остальные, месть Гагарин. Нынче мы все в этом Ноевом ковчеге, так стоит ли его раскачивать прежде времени? Кто знает, быть может, графу и впрямь улыбнется удача. Согласитесь, *mon cher*, абсурдность никогда не мешала политикам, медные трубы – победителям. Иначе зачем мы все притащились из Петербурга в эту отчаянную... забытую Богом дыру? Позвольте напомнить, ваша светлость...

– Сделайте одолжение. – Князь Гагарин театрально приподнял бровь.

– Давно не тайна, что власть – это не кормушка, а ловушка для тараканов и блох. Ежели ты не дружишь с Престолом... тебя съедят нынче же... ежели напротив, то потом, когда придет новый самодержец. Вот граф и старается удержаться в седле... ведь падая, можно сломать

³³ Счастлив твой бог! (фр.)

³⁴ Не правда ли? (фр.)

шею. Впрочем, лично меня более волнует, сколько в поход взято шампанского, грильяжу и французского коньяку. Война войной, но сначала пирушка!

...А рядом, оперевшись на луку венгерского седла, другой уланский генерал усмехался в рыжий карниз усов и, похлопывая кавалерийской крагой себя по колену, кивал головой сыну фельдмаршала Паскевича, на золотых эполетах которого гордо поблескивал флигель-адъютантский вензель.

– Н-да, не спасает Всевышний Россию от подвигов. Но что прикажете делать? Посеешь привычку – пожнешь характер. Посеешь характер – пожнешь судьбу. Не этим ли принципом живет Россия со времен Великого Петра? Однако что-то подсказывает мне, князь, что от всей этой даргинской затеи смердит...

– Вы можете предложить нам ложе из роз, генерал, шипы которых подрежет *jardinier*?³⁵ – ернически поглядывая то на уланского генерала, то на молодого графа Строганова, принимавшего участие в беседе, усмехнулся Паскевич. – Интересно, как далеко заведет вас, генерал, ваша критика?

– Не знаю насчет себя, Федор Иванович... Но касательно нашего патрона...³⁶ «Гулять так гулять...» – сказал как-то Моисей и завел свой народ в пустыню на сорок лет. Так и наш Воронцов... Видите, господа, те гребни? – Генерал указал стеком на заснеженное громадьё уходящих за горизонт гор. – На Востоке говорят: «Не связывайся с теми, кому нечего терять... Поединок будет неравным».

– Вы действительно полагаете, генерал, что нас ожидает фиаско³⁷ – Красивый своей молодостью, элегантный граф Строганов, затянутый в белоснежный с золотом кавалергардский мундир, недоверчиво посмотрел на рыжеусого коренастого улана.

– Вас, граф, как и меня, как князя Паскевича, как любого из нас, могут убить, – просто и пугающе легко прозвучал ответ. – Что, голос истины противен слуху? Вы, похоже, фразированы? Вы разве не задумывались о сем, господа? Напрасно. Нас там не встретит рай.

– Полноте, Дмитрий Сергеевич. Еще не прозвучало ни единого выстрела с противной стороны, а уж на ваше лицо упала тень мрачного будущего.

– Право, зачем эти этюды в багровых тонах? – скептически заметил Паскевич. – Нам не нравится ваш вид мученика. Посмотрите, какая с нами мундирная силища! Шамиль испарится при виде ее, как бес перед заутреней. Кем вы пугаете нас, генерал? Теми, кого мы считаем двоюродными братьями дьявола и обезьяны? У которых мозг – горошина?

– Свинцовая горошина... ежели угодно-с, господа. И не в голове, а на груди – в газырях. И этих «свинцовых горошин» – многие тысячи отлиты в горах для нашей встречи. Что же до того, кузенами каких тварей мы их считаем... им положительно плевать на сие, господа. Смею уверить: мы для них тоже ушли не дальше свиньи³⁸

... и собаки³⁹...

³⁵ Садовник (*фр.*).

³⁶ У древних римлян – патриций-покровитель вольноотпущенников и плебеев; защитник на суде; вообще – покровитель, защитник (*лат.*).

³⁷ Неудача, провал (*итал.*).

³⁸ Коран строго запрещает мусульманину есть мясо свиньи или другой продукт, содержащий свинину. «Вам запрещается в пищу мертвечина, кровь, мясо свиньи, то, над чем при заклании призывается кто-либо другой, а не Бог; скотина удушенная, умершая от удара, убитая падением с высоты, забоданная рогом; та, которую заел хищник, кроме той, которую очистите; приносимое в жертву идолу» // Коран, сура 5:4. «На Востоке свинья считается нечистым животным, ибо она склонна к поеданию нечистот. По этой причине ни один мусульманин не может представить себе, как можно есть блюдо, приготовленное из столь нечистого, отвратительного существа. Предложить правоверному блюдо из свинины – то же самое, что предложить ему отведать, например, нечистот; некоторые мусульмане заболевают только лишь от одного вида свинины... Мусульманам запрещено употреблять в пищу мясо умерших, задушенных, забитых палками и убитых хищниками животных. Так же запретно (харам) мясо хищных птиц, животных с клыками и когтями, грызунов, рептилий и насекомых, за исключением саранчи» // Рукайя Максуд. Ислам. М., 2001.

³⁹ Мусульмане ничего не имеют против собак как таковых (охранников скота, овечьих отар, хозяйского дома, помощников

– Mon Dieu!⁴⁰ Вы так говорите о горцах, генерал... Все как сон...

– Я так говорю, князь, потому что это Кавказ. Здесь нет границы между снами и явью. Я так говорю, господа, потому что имел честь быть в деле при Ахульго⁴¹... но вместо звезды был награжден чеченской пулей... на нготь бы вправо, и конец.

Господа, пережив минуту неловкости, ответили боевому генералу чуть заметным наклоном головы. Но уже в следующий момент темпераментный и беспокойный Паскевич неприступно ссызвил:

– Что ж, убедили, Дмитрий Сергеевич... Каюсь, сдаюсь. Хотя они и дикари, каких поискать... однако одежды им удаются! Есть в этих черкесках и бурках... что-то орлиное. Ежели вернусь из похода живым и невредимым... не-пре-мен-но справлю себе такой туземный наряд.⁴²

Здесь офицера и так с двадцати сажень не отличишь от татарина. То ли еще будет, ваше превосходительство?..

* * *

чабанов), однако если слюна собаки попадет на одежду или обувь, то вещь эта становится нечистой для появления в ней на молитве в мечети, и мусульманину приходится возвращаться домой и переменять одежду // Там же.

⁴⁰ Боже мой! (*фр.*)

⁴¹ В 1839 году была предпринята широкая операция по всему фронту. На правом фланге десантный отряд генерала Раевского возвел ряд укреплений на Черноморском побережье. На левом фланге действовали Дагестанский отряд генерала Головина и Чеченский – графа Граббе. 20 апреля отряд Головина после упорного боя занял Аргунь (наши потери 650 человек, горцев перебито до 2000 чел.). Затем оба отряда, соединившись, осадили 12 июня Ахульго и 22 августа, пятым по счету кровопролитным штурмом, оплот Шамиля перешел в руки русских. У нас было 7000 бойцов при 17 орудиях. Горцев засело в Ахульго свыше 6000. Горцев при взятии Ахульго в тот день было убито свыше тысячи, в плен взято 900. Наш урон – 544 человека, а за всю осаду до 2500 человек. С горстью преданных мюридов Шамиль, пробившись сквозь цепи егерей, бежал в горы // Керсновский А. А. История русской армии.

⁴² «Поверх нательного белья, туникообразной рубахи и штанов-шарвар горец надевал бешмет, шитый по фигуре в талию, на подкладке. Он имел спереди разрез; длину бешмета делали по усмотрению хозяина – выше или чуть ниже колен. Ниже талии, по бокам и сзади, вшивались клинья, образующие фалды. На бешметы шло в основном сукно домашнего производства; для изготовления нарядных бешметов приобретали темно-зеленые, черные, синие шерстяные и шелковые ткани. Бешмет имел невысокий (4–5 см) стоячий воротник, по бокам ниже талии – внутренние, а на груди нашивные карманы. Спереди от воротника до пояса он застегивался на мелкие пуговицы и петли, изготовленные из тонкой самодельной тесьмы. Такой же тесьмой обшивали ворот, вырезы для боковых карманов, рукава, верх нагрудных карманов. Бешмет считался легкой верхней одеждой, в которой мужчина мог ходить дома, выйти на улицу, работать в поле. Для зимы бешмет шили на вате. Поверх бешмета в прохладную погоду, а при приеме гостей и посещении общественных мест и летом надевалась черкеска. Ее шили из домотканого сукна белого (для особых случаев), серого, алого, черного и бурого цветов, обычно из целого отреза длиной 5–7 метров. Черкеску, как и бешмет, делали по фигуре в талию, цельнокроенной, без разреза, с большими клиньями у пояса до подola, образующими фалды. Рукава шили длинные и широкие (для удобства они обычно слегка отворачивались), с подкладкой ниже локтя. Черкеска имела открытый грудной вырез и застегивалась у пояса на несколько пуговиц. На груди с двух сторон были нашивные карманы с мелкими отделениями для 13–15 газырей, а ниже талии по бокам – внутренние карманы. Полы черкески, рукава и карманы обшивались тесьмой, галунами. Сверху черкеска перетягивалась ремненным поясом, на котором спереди висел кинжал. Важной частью верхней одежды мужчины-горца (помимо овчинной шубы) были бурки, которые надевали на бешмет, черкеску или даже шубу, отправляясь в дальнюю дорогу или в поле в ненастную погоду. Нередко буркой пользовались и летом, защищаясь от жары. Простые бурки, необходимые в первую очередь чабанам, изготавливали сами; большие нарядные бурки для всадников, как правило, покупали у дагестанцев-андийцев. На головах у горцев красовались овчинные шапки-папахи, войлочные шляпы или папахи из среднеазиатского каракуля. Самым распространенным головным убором все же была папаха. Она имела полусферическую форму и походила на перевернутый котел небольшого размера. Шились папахи из сплошного куска овчины мехом наружу. Папаху шили на теплой стеганой подкладке, суконное донце крепилось несколько глубже крайней линии околыша. Доньшки нарядных папах часто делали из сукна яркого цвета (красного, бордового, белого, голубого, синего, зеленого) и украшались золотым, серебряным позументом или самодельной тесьмой. При изготовлении папах мастера использовали специальные деревянные болванки, на которые изделия натягивались во влажном виде и оставались до полного высыхания. Существенную часть головного убора составлял башлык, который шили как из местного, так и из фабричного сукна. Нарядные башлыки из белого или красного материала украшали галуном либо тесьмой. Башлык напоминал капюшон; его кроили в форме равнобедренного треугольника, от которого с двух сторон шли небольшие полосы ткани для завязывания у шеи. Носили башлык поверх шапки, когда отправлялись в путь в ненастную погоду; обычно его закидывали на спину черкески и закрепляли с помощью тесьмы» // Казиев Ш. М., Карпеев И. В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. Считается, что А. А. Бестужев-Марлинский, служивший на Кавказе с 1829 года, бесконечно влюбленный в горцев, явился законодателем моды в русской армии на все горское. Бестужев сам стал похож на горцев в своей дорогой бурке и лихой папахе, в манерах и воинской дерзости. мода на все кавказское вскоре проникла и в высшее общество. Уже и самого императора живописцы изображали в черкесском костюме на фоне Кавказских гор.

...Новое раскатистое, подобное обвалу снежной лавины «ура-а!» ознаменовало конец обращения к войскам главнокомандующего. Вновь грянула музыка. Знаменщики подняли загодя расчехленные, пропахшие порохом гордые стяги.

Командиром Чеченского отряда генералом Лидерсом была отдана команда; тысячи рук слаженно сделали «на караул».

Граф Воронцов в окружении сверкающего золотом и серебром «летучего» ареопага бойким аллюром⁴³ пронесся вдоль всего строя в голову отряда.

Следом полетели лающие команды: от батальонных к ротным командирам, от тех к взводным унтер-офицерам и далее. Отряд выполнил «на праву» и в ногу тронулся под звуки полкового оркестра, гремевшего бойкий веселый марш.

⁴³ Различные виды хода лошади (шагом, рысью, иноходью, галопом, в карьер); условное обозначение на донесении, определяющее степень быстроты доставки этого донесения.

Глава 4

Всю дорогу до Внезапной главнокомандующему не давало скучать его сопровождение. Подобострастные взгляды и пылкие заверения свиты в преданности ему и начатому «святому крестовому походу», казалось, были разлиты в самом воздухе и пыли, клубы и шлейфы которой поднимала огромная кавалькада.

Сам граф, как опытный царедворец, воспринимал эти «пассажи лесты» как должный, хотя и порядком наскучивший лейтмотив его отношений со своим окружением. Старый, как мир, маскарад фальшивых улыбок, восторженных глаз и речей был с юности впитан и отменно изучен графом и потому никак не трогал его опытное сердце. Все это имело место, как того требовал придворный этикет, потому что от него – наместника и главнокомандующего, с огромною, едва ли не монаршею властью – зависело благоденствие, карьера и счастье всех, понаехавших из обеих столиц. И хотя Михаил Семенович подчас раздражался и уставал от заведенного порядка, он тем не менее не отказывал, да и не мог отказать в содействии многим главным фамилиям, родословная которых уходила корнями в седые допетровские времена.

Но если в целом свита наместника и производила неблагоприятное впечатление своими тривиальными, фальшиво-сладкими манерами, то манеры самого Воронцова были просты, достойны и благосклонны. Граф, по мнению высшего света, «более британец, чем русский», был одним из красавцев-стариков, которые особенно часто встречаются в Англии. Во всех его проявлениях был виден истинный, родовитый вельможа. Его наружность и приемы были обворожительны, а твердость и решительность в делах покоряла и заставляла уважать его даже тех, кто был настроен весьма негативно к его сиятельству.

...Покачиваясь в седле, припадая на подъемах к луке, он периодически привставал на стременах, остро вглядываясь в неотвратимо наступающие с каждой верстой горы, и по мере их приближения странное, неугомонно растущее беспокойство овладевало графом. Это прежде совершенно чуждое, незнакомое состояние бесило и выводило его из себя. С прибытием на Кавказ он с тревогой ощутил неясные метаморфозы, происходившие в его душе. За какие-то две недели граф изменился настолько, что как будто приобрел два разных лица, и прежнее – бесстрашное, хладнокровное – куда-то кануло, а на его место явилось новое – неуверенное, крепко сомневающееся.

Страх неудачи, боязнь за худой итог экспедиции пришли исподволь, но овладели им с безотчетной властью. Еще месяц назад, оставляя по августейшему приказу Крым, граф, как всегда, был готов идти на смерть с холодной улыбкой, едва ли не фамильярничать с нею... Но вот он на месте... впереди его дебют на Кавказе – судьбоносное сражение с Шамилем, возможно, не одно... Враг изворотлив, отчаянно смел, хитер и коварен, а главное, не признает канонов и правил европейской войны...

Но не это пугало Михаила Семеновича. Фанатичную ярость и оголтелое бешенство сабельных атак Востока он видел и раньше, в боях с турецкими янычарами, но был лишь крепче закален кипящей кровью поверженного врага...

Опытный стратег и тактик, искушенный психолог, он пытался разобраться в истинной причине упадка своего духа, своей неуверенности и упрямо, шаг за шагом, анализируя все сложившиеся обстоятельства, шел к одной ему известной цели. Точил, как червь древесину, ядро своих сомнений... покуда не добрался до сути. Она оказалась довольно простой, закованной лишь в глухие доспехи гордыни и аристократической спеси.

Граф не желал мириться и признавать план Ермолова и Вельяминова – единственно верным, разумным решением в деле покорения Кавказа. С другой стороны, его томило и мучило подспудное несогласие с планом Государя, по которому ему предстояло бравым «кавалерийским наскоком» завладеть резиденцией имама и уничтожить это осиное гнездо раз и навсегда.

«Так было бы возможно, – рассуждал Воронцов, – если бы мы воевали с регулярной армией, а не со всем народом Кавказа... Если бы мы имели дело с цивилизованным противником, а не блуждали в дебрях по его следам, как охотник за зверем... Государь же и слышать не хочет о медленном поступательном движении по территории посредством вырубki лесов и истребления продовольствия. Похоже, постоянная, противная очевидности лесья его окружения довела Его Величество до того, что он уже не в силах владеть действительным положением вещей, логикой или даже простым здравым смыслом. – А тебя самого... разве минула чаша сия? – Граф, прислушиваясь к праздному перезвону шпор и сабель своей свиты, невесело усмехнулся. – Ты малый, но точный слепок со своего владыки. Разве ты не уверен, как Он, что все твои распоряжения и приказы – само совершенство? А ведь они являются таковыми лишь потому, что отдаешь их... ты сам».

Он стиснул зубы, вдруг ощутив себя загнанным в угол. Как ни крути, а он – граф Воронцов – по воле судеб сделался заложником обстоятельств, которые складывались отнюдь не в его пользу. «Ни цель, ни образ навязанных мне действий не оправдывают настоящую кампанию... – стучало в висках графа в такт копытам коня. – Ее исход сомнителен... Худшее можно предвидеть и без цыганки. Черт! Сие предсказывали мне еще в Червленной... до начала движения! Но что прикажешь делать?! – очередной раз клевал себя вопросом Воронцов и отвечал одним: – Сам Государь поставил это предприятие непременным условием. Так мне ли, верно-подданному слуге, перечить Его августейшей воле?»

Граф тылом перчатки потер морщинистый лоб и, ударив коня стеком, отдался скачке. В какую-то секунду ему почудилось, что время исчезло, словно оно слилось и растворилось в прозрачном пространстве... исчез и он... И уже откуда-то сверху, с высоты птичьего полета, сквозь пряди седых облаков... он вдруг узрел растянувшиеся на марше многоверстные колонны своих войск, обозы маркитантов, выгоревшую добела парусину армейских фургонов, артиллерийские упряжи и мерцающие стволы тяжелых орудий... И все это огромное, надсадное движение и, казалось, весь мир из конца в конец – стал виден его взгляду; все до самого «края» – до пугающей человечество бездны, имя которой Смерть.

Граф вздрогнул и обернулся, хватая взором свои полки. Был полдень, жара стояла невыносимая. Пехота сквозь подметки сапог чувствовала раскаленный щебень старого тракта. Переход из Ташки-чу до Внезапной был не менее тридцати верст. «Цварк, цварк, цварк...» – гремел монотонно-чугунный шаг егерей; известковая «пудра», взрываема тысячами ног и копыт, клубилась и дыбилась над раскаленными штыками, лезла в нос и рот, въедалась в мундиры и волосы, так что нельзя было разобрать их цвета; смешанная с потом, она штриховала лица грязью, превращая их в чумазую, однородную плоть.

Воронцов прикрыл от слепящего солнца веки и тут же был захлестнут, заверчен волною всепоглощающего беспокойства. Покуда он сам, по своей воле, шел на риск и гибель, покуда он держал «вожжи судьбы» в собственных руках, ему дышалось легко и на сердце было бравадно... Но сейчас его, командора⁴⁴ – огонь и меч Империи на Кавказе, – будто бы подменили. И эта ошеломляющая перемена в его душе, в состоянии мысли потрясла графа. Ему казалось, что он уже не скачет, куда хочет, а его везут – куда хотят. Не он решает, а за него... и он не вправе сделать даже свободный выбор: жизнь или смерть, как другие... Ему непременно подскажут, направят в нужную колею...

Михаил Семенович снова порывисто обернулся, затем посмотрел на ехавших рядом адъютантов, и они привиделись ему не то золочеными тенями, не то бездушными куклами, ряженными в серебро, как и он сам. Граф урезонивал себя правдой, что все они имеют язык... и не мог! – все положительно виделись ему немыми; мучился вспомнить их речь, смысл слов,

⁴⁴ Одна из высших степеней рыцарских орденов (фр.).

которые они употребляют, и не мог! Рты раскрывались, что-то звучало... потом они кивали друг другу, разъезжались, и снова мелькали тени, и вновь сгущалась пустота.

«Пресвятая Троице, помилуй нас... Господи, очисти грехи наша... Владыко, прости беззакония наша... Святый Боже, посети и исцели немощи наша, имени Твоего ради. Господи, помилуй...» – трижды скрепил молитвой свои уста граф и перекрестился; стало как будто легче. Безумие отступило.

...Но с каждой новой верстой главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом все более отчетливо осознавал всю опрометчивость и гибельность для русских солдат царского приказа. Но возражать, а более – не исполнять Высочайшую волю было немислимо. Не согласиться с Помазанником Божиим – значило впасть в немилость, а также лишиться того блестящего положения, которого он добивался полвека и которым привык широко пользоваться. И потому, подставляя ветру свое породистое сухое лицо «английского лорда», старик злее задал шенкеля жеребцу в знак полной покорности и готовности исполнить любой, пусть самый безумный, пусть самый жестокий приказ Его Императорского Величества.

«Господи, не оставь! Мне нужен всего лишь один бой... Классический бой! И мои орлы закончат сию кампанию на одном дыхании!»

* * *

В безмерной свите главнокомандующего, помимо «рыцарей меча и идеи», отправившихся в «крестовый поход», было немало и тех, кто в силу почтения или откровенного подхалимства «с дальним прицелом» к новому наместнику вызвался его проводить до Внезапной.

Одним из таких ярких представителей был наказной атаман Черноморского казачьего войска⁴⁵ генерал-лейтенант Николай Степанович Заводовский, приближенный к себе Воронцовым для временного (в отсутствие графа) командования войсками на Кавказской линии и в Черномории. Он был выше среднего роста, с типичным лицом малоросса; держал себя с важным приличием, но был при сем всегда «начеку» с начальством. Прибывавшим на Кавказ штабным офицерам он любил говорить со своим резким хохляцким акцентом, что-де во всем надеется на Бога и мудрость вышестоящих, потому что сам он человек временный, простой и неписменный. Это было правдой с точностью до наоборот. (Титул временно командующего с 1845-го он успешно носил еще четыре года кряду.) На деле же атаман был человеком весьма неглупым, а более хитрым; образования толкового в юности не получил, но, что называется, «натерся и преуспел»; кое-что читал с пользой и по уровню был не ниже иных генералов. Заводовский лишь умело притворялся простаком и «неписменным», а на поверку был смышлен и дока в бумажных делах. Его житейская мудрость «выдубилась» в долговременной службе, где он сам, без протекций и рекомендательных писем, должен был пробивать себе дорогу. Он хорошо понимал, что может держаться на плаву только безусловною преданностью и угодничеством сиятельному графу Михаилу Семеновичу, а потому безбожно эксплуатировал эти свои качества. Хитронырый атаман с первого дня встретил нового «небожителя» Кавказа с распростертыми объятиями, умело сыграв «простодушного дикаря» перед графом, усердно (до оклика адъютантом) молился перед иконой при входе в приемную, кланялся Воронцову в пояс и называл последнего не иначе как «батюшка-государь». Нравственные правила Заводовского лепились в суровой казацкой атмосфере, но при этом наружность его была прилична и безупречна. Николай Степанович с 1828 года являлся наказным атаманом Черноморского казачьего войска и, к удивлению многих, ни разу не попал под суд, что на Кавказе – почти беспримерно!

«Происхождение его было скромным; он этого никому в глаза не совал, но и не скрывал. Однажды граф Воронцов спросил его, отчего он пишется Заводовским, тогда как другие пишут

⁴⁵ Кавказская линия в 1845 году состояла из пяти отдельных частей: 1) Черноморской кордонной линии, 2) правого фланга, 3) центра, 4) Владикавказского округа и 5) левого фланга.

сию фамилию Завадовский? – “Нэ, ваше сиятельство, то фамилия графская, а мой батьку был овчаром на войсковом сермяжном заводе... с того и нарекли его Завадовским”. Такая хохляцкая простота подкупала светского льва Воронцова, а для атамана Завадовского была раковиной улитки, куда он прятался от всякой невзгоды или неловкого положения». ⁴⁶

... Вот и теперь, вызвавшись сопровождать главнокомандующего до Внезапной, Завадовский не выпускал из виду легкую, по-молодецки стройную фигуру. Присмотрев, что «британец» графа резко прибавил ходу, атаман тут же всадил шпоры в крапчатые бока своему рысаку, пускавая того во весь мах. Глаза застило слезами, уши забивал режущий свист рассекаемого ветра, но Завадовский, припадая к напряженно выгнутой вперед шее коня, не отставал, с преданным рвением ловил взгляд оглядывавшегося Воронцова.

Через полверсты граф натянул узду-двойчатку, ловко справляясь с пляшущим на дыбах жеребцом, перешел на куций намет. И тут же через минуту его нагнал атаман. Лихо осадив на всем скаку, он волнительно крикнул:

– Усе в «ножнах», батюшка-государь?!

Граф лишь отмахнулся от назойливого атамана, но тот, будто и не заметив, поравнялся с ним и, вытирая шелковым отворотом черески слезы, застилающие нахлестанные ветром глаза, озабочился:

– Виданное ли дело? Негоже, батюшка-государь, наперед-то... в пекло лезть! Неровен час, тьфу-тьфу... чокнет вас пухляком чечунский шайтан, и ау...

Воронцов бесстрастно продолжал покачиваться в седле, направляя коня на обочину тракта, где «помол» пыли был не столь велик; и за то короткое время, в которое конь, потрясывая белой гривой, пересекал пустынный шлях, в сердце Михаила Семеновича остывал охвативший его был пыл душевного отчаянья.

Завадовский, потерпев неудачу в «лобовой атаке», рук не опустил, зашел с другого фланга с масляной улыбкой и заготовленной речью.

– Спешу выразить восхищение вами и вашим обращением к войскам, ваше высокопревосходительство! Чистое дело – краше не слыхивал... А как десять тысяч глоток кричали вам «ура»?! Истинно – батюшка-государь!.. Во имя торжества победы и Государя.

– Да... в России исстари все происходит не благодаря, а вопреки... – скорее самому себе, чем кому-то, констатировал граф.

– Не понял. Прошу покорно повторить, ваше... Тю-у ты, дьявол шальной! – густым басом рывкнул на рысака атаман и задал ему кнутовищем по горбатой, с розовыми ноздрями морде.

Воронцов дождался, когда генерал «выправил» занудившегося коня, и, философски растягивая слова, молвил:

– Я не одержим Кавказом, атаман, но одержим верноподданическим чувством к России. Впрочем, – Михаил Семенович провел кончиком языка по верхней губе, вглядываясь в вырастающую и уходящую в горизонт цепь снеговых гор, – мои приверженности и вкусы меняются с каждым днем. Смотрите, голубчик, смотрите лучше, атаман! – Граф восторженно указал перчаткой на заснеженные, искрящиеся на солнце, подобно голубым алмазам, пики.

– Ну-т, горы, – обыденно буркнул Завадовский. – Я их тут боле двадцати лет наблюдаю. Устал, право.

– Вот именно, горы!.. – не слыша сентенции собеседника, подчеркнул Воронцов. – В гордом профиле Кавказа застыла красота и жестокость. Красоту я оставляю, а жестокость... сомну, уничтожу.

– Это как же вас понимать прикажете?

⁴⁶ Филиппсон Г. И. Воспоминания. 1837–1847.

– Видите ли, Заводовский, я мог бы увести отсюда свою армию, оставив эту первозданную, девственную красоту нетронутую... И в ледяных чертогах Шамиля вряд ли бы прослезились по сему поводу, но!..

Граф победоносно посмотрел в напряженные от внимания глаза атамана и с лисьей, хищной улыбкой продолжил:

– Но вот какое дело, Заводовский... Каждое Божье утро, когда я просыпаюсь и совершаю прогулку верхом, я все больше и больше влюбляюсь в эту дикую, полную тайн и легенд страну. Нет, я не наивный романтик, Заводовский, я прагматик и реалист. Но признаюсь, голубчик, Кавказ покорила меня. Я всей душой люблю и ласковый, покладистый Крым, однако!.. – чувствую, без Кавказа мне будет одиноко, как без любимого младшего сына... Да, да, пусть непослушного и вредного, ну так ведь это до времени... до зрелости... Я отношусь к той категории отцов, Заводовский, кои не жалеют розгу, дабы не испортить дитя. Нет, нет, в Кавказе решительно есть магия, которая чарует. И именно это... заставляет меня, как Господа Бога, изгнать этих вероломных, грязных дикарей из рая. Что-что? – Граф, недовольный, что его перебили, с возмущением посмотрел на атамана.

– «Вероломных»! Как точно, ваше сиятельство! Это слово хотел сказать и я. Ваше высокопревосходительство! – Заводовский, как старый преданный пес, с тоскливым восхищением заглянул в глаза своему хозяину.

– Ну, что еще?! – Воронцов не скрывал раздражения. – Случилось невероятное? Да?! Вы привезли мне в мешке голову Шамиля?

– Никак нет, – обиженно промычал Заводовский, но тут же ожил лицом и горячо выдал: – Этот поход... этот святой поход... эта экспедиция! Вам... вам, отец родной, принесет славу самой просвещенной страны!

– Думаешь? – Граф не удержал улыбки.

– А как же-с?.. Даже очень обязательно, батюшка-государь.

«Да уж лучше шумную славу, – едко усмехнулся в душе граф, – чем тихое помешательство». А вслух отрезал:

– Я не лицемер, Заводовский. Я просто слуга России. Прошу помнить о сем.

– Да, да! – с готовностью подхватил атаман. – Не иначе! Я помню-с, ваше высокопревосходительство. За Терекон Россия, и она...

– О-о, нет, голубчик. Здесь вы опять не правы, – наставнически поправил наместник. – Зачем «за Терекон»? Теперь и это все Россия. – Воронцов сделал щедрый жест рукой, будто собирал до кучи все горные цепи Кавказа. – Вы и так, милейший, в России, ну-с, разве только что... на ее горячих границах... Вы можете, Николай Степанович, мне объяснить, в чем главное отличие Империи? Вижу, не напрягайте лба, вам это не по силам, любезный... Так вот: плох тот солдат, который не мечтает стать генералом. Так и государство – бездарно и недальновидно, ежели не мечтает стать Империей. Впрочем, вы... уже стали генералом, Заводовский. Поздравляю. Дерзайте стать главнокомандующим, мой друг.

– Но следует помнить и заветы Ермолова, ваше сиятельство. Не зря бают: тише едешь – дальше будешь.

Атаман поздно спохватился, с испугом уразумев, что наступил на большую мозоль графа. Воронцов поморщился, словно отведал кислящего зеленого крыжовника. Любое упоминание о Ермолове, равно и Вельяминове, выводило его из себя.

– Хорошая цитата подобна изюмине в хлебе, атаман, – холодно отрубил он. – Но не выпекай хлеб из одного изюма. Вам стоит заучить и другое, Заводовский: удача открывает двери даже там, где их нет. Я уже слышу, как мчится неистовая конница Шамиля...

– Где?! – всерьез насторожился атаман и огляделся окрест.

– У себя в голове, генерал, – снисходительно пояснил граф. – Впрочем, неважно. Вам сего один черт не услышать, Заводовский. Зато вы, насколько я осведомлен, недурно выучи-

лись танцевать лезгинку? Bravo! Важное, я бы сказал, просто стратегически необходимое качество для генерала.

– Батюшка-государь... – В расширенных глазах атамана скакала мольба.

– Стыд не дым, глаза не выест. На первый раз прощаю вас, Николай Степанович. Но впредь не будьте буффонадным генералом. Ежели нет... и вы способны только на эти лубочные фокусы... обещаю, найду вам замену. Je vous agranderaï ça⁴⁷.

И, уже не обращая внимания на стушевавшегося l'adjoint⁴⁸, окруженный подъехавшей свитой, граф обратился к человеку в пенсне из шумной компании гражданских чиновников.

– Что вы там без конца пишете, сударь? – Воронцов указал на торчавший из седельного подсумка пухлый блокнот.

– Правду, чтобы ее потом не исказили, ваше сиятельство, – приподнимая гражданскую шляпу, робко улыбнулся зардевшийся, как девица, молодой человек.

– И какую же правду, любезный? Хотите назвать мою армию «великой», как некогда назвал свою незабвенный Наполеон?

– Этот «маленький капрал»? – По взволнованному лицу молодого человека блуждала судорога угодливости.

– Это первая твоя непростительная оплошность, любезный. – Его сиятельство шутиливо погрозил пальцем хроникеру, но и этого жеста было довольно, чтобы тот стал белее воротничка своей сорочки. – Ты, братец, помоложе меня втрое, так внемли. – Граф дрогнул тонко вылепленными крыльями ноздрей: – Сей корсиканец, сей «капрал», как вы изволили сказать... великий из великих полководцев! Вы еще были в замыслах вашего непутевого родителя, когда его пушки сотрясали поля Европы... А от одного его имени трепетали короны всех монарших дворов! Не допустите таких же досадных ошибок обо мне, сударь. Вам придется много писать. Запаситесь терпением, молодой человек, и чернилами. Желаю удачи.

Свита засмеялась на разные голоса, но ее смех рассек напевный вскрик запевалы и дружно рывкнувших следом гребенцев:

Ой, да возвеселитесь, храбрые казаки...

Честь и славою своей! –

Ой, да покажите всем друзьям пример,

Как мы из ружей бьем своих врагов!

Бьем, не портим боевой порядок,

Только слушаем один да приказ.

И что нам прикажут отцы-командиры,

Мы туда идем – рубим, колем, бьем!

Разговоры, смешки, восклицания поутихли – все слушали удалую казачью песню, которая наполняла идущих на смерть силою и отвагой... И только главнокомандующий – граф Воронцов – не свежел взором. Тягостно и беспокойно было на сердце старика. Его задумчивый взгляд блуждал по обочине большака; жухлая трава, малиновый татарник⁴⁹ и редкий кустарник были покрыты розово-желтой, белесой пылью; звериные тропы и солончаки, пересекавшие тракт, были обнажены и звучно тверды.

...Смеркалось, когда в какой-то момент задремавший в седле граф встрепенулся от бодрящей прохлады, равнодушно поднял уставшие глаза и был... потрясен.

⁴⁷ Я вам это устрою (фр.).

⁴⁸ Помощник, заместитель (фр.).

⁴⁹ Сорное травянистое растение семейства сложноцветных с жесткими, колючими листьями и стеблем и с лиловато-красными соцветиями; разновидность репея.

Горы, все последние дни казавшиеся ему далекими, ирреальными, будто нарисованными рукой художника, вдруг встали перед ним пугающе огромной, непостижимой, но очевидной громадой. Их седые от белых, голубых, сиреневых снегов пики с фантастическими очертаниями и эфирной, какой-то воздушной линией вершин, вонзавшиеся в облака – магнетизировали графа и его столичную свиту. И когда минуло первое оцепенение и он наконец оценил всю еще продолжавшую существовать даль между его армией, горами и небом (несмотря на день пути), когда он прочувствовал всю циклопическую грандиозность Кавказских гор, всю беспредельность этой мощи и величия, он против воли ощутил мороз мурашек, пробежавших по коже. От всего этого сурового торжества из камня и льда тянуло враждебным холодом и чем-то еще опасным и гибельным, до срока скрытым от глаз. Живописные, мягкие горы Крыма были пигмеями в сравнении с этими исполинами...

Да, это был рай, но рай земной и дикий... Рай под тенью сабель его грозного врага Шамиля, с которым ему еще предстояло только скрестить клинки.

Память упрямо высекла резцом имена и портреты его предшественников, пытавшихся покорить Кавказ: Ртищев, Ермолов, Паскевич, Розен, Головин, Нейгардт... Теперь вот он – граф Воронцов, любимец и надежда Его Императорского Величества Николая I.

– Это мой Эшафот... – Беззвучно прошептали его бледные губы. Теперь граф уже не думал самонадеянно давать фору Шамилю. Неожиданно ему послышался, как той ночью в Червленной, лязг стальных челюстей адского механизма, но этот звук не принадлежал ни его пехоте, ни артиллерии. Он шел, как казалось графу, со стороны гор, где на фоне густого синего неба рельефно и остро зубчатылись их молочно-белые гребни.

– Ладно, рано голову посыпать пеплом. Коней на переправе не меняют. – Его сиятельство граф Воронцов злорадно улыбнулся бесстрастным кряжам. – Завтра или послезавтра мы разыграем этот «пуп мира». Так, кажется, его называют туземцы?

– Они называют его «крышей мира», ваше высокопревосходительство. – Флигель-адъютант Сколков бросил два пальца к виску.

– Какая разница! Мне нужен лишь один бой... Одно генеральное сражение.

Глава 5

«Сухова природа гор. В старые времена там умирало много детей. Но те, кто выживал, жили долго, больше ста лет.

Не все спетые песни остались... но те, что остались живут в веках. В детском возрасте умирали всё больше мальчики. Девочки оказывались выносливее, жизнеспособнее.

...Так и с легендами, песнями, былями... Мужские, джигитские, абреческие, боевые песни, истории о набегах, о сечах, о могилах и мести, о крови, об удалстве и храбрости почему-то сохраняются хуже, нежели песни о любви»⁵⁰. Но как бы то ни было, горы и каньоны Кавказа хранят в памяти десятки, возможно, сотни легенд и песен о прославленном Шамиле. Им следует верить. Многим горцам эти истории спасали жизнь, многих пеших сделали конными. Многие робкие люди, услышав песню о бесстрашном хребце, перестали бояться.

Приведем некоторые простые мужские и женские имена, например, у аварцев: Галбац (Волк), Меседа (Золото), Чакар (Сахар), Батыр (Герой), Гюльжанат (Райский цветок) и т. д. // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь... Отца имама Шамиля звали Денгав (Доного), и поначалу Шамиля звали Шамиль – сын Доного. Затем Шамиль стал Шамилем из Гимры (Гимринским), так как он был родом из высокогорного аула Гимры, еще позже – Шамилем Аварским, потом Дагестанским, Кавказским... Став же всемирно известным, он вновь стал Шамилем, уже не нуждающимся в каких-либо уточнениях или дополнениях. Всенародному кумиру сего не нужно. И если б люди даже не знали, где находится родной аул героя или его могила, если бы не ведали, куда прийти поклониться, то все равно сказали б о нем: «...зато везде и всюду на Востоке бьется его живое сердце». Недаром седая мудрость гласит: «Какова борозда, таков и хозяин поля».

Одно из преданий повествует, как Шамиль сел в седло боевого коня и взял в руки оружие.

А дело было так: однажды на одном аульском годекане⁵¹ люди спросили у прославленного в боях Шамиля:

– Скажи, мудрый (аль-хаким) и великодушный (аль-карим) имам, как могло стать, что небольшой Дагестан мог веками сопротивляться могущественным тиранам⁵² и устоять против них? Как ему хватает сил вот уже двадцать с лишним лет противостоять всемогущему Белому Царю?

И Шамиль ответил, перебирая в руках молитвенные четки – субха:

– Ни Дагестан, ни Чечня, ни Кабарда с Ингушетией... никогда бы не выдержали такой борьбы, если бы в их груди не горело пламя любви и ненависти. Сей огонь и творит чудеса, и совершает подвиги. Этот священный огонь и есть душа правоверного Кавказа! Мне ли вам говорить, уважаемые? Чтобы увидеть плод своего труда, надо сначала очистить землю от камня, вспахать ее и посадить семя... Неусыпно следить за ним, поливать водой и бережно укрывать буркой от бури... – опустив на грудь голову, молвил имам. – Много, очень много есть что сказать мне об этом. Много дела было...

– Так поведай нам с самого начала...

– Где родился? Как жил?

– Просим тебя, о достославный Шамиль!

⁵⁰ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

⁵¹ Собрание, совет уважаемых людей у горцев.

⁵² Имеется в виду знаменитая своей жестокостью битва горцев с ордами Тимура-Завоевателя около аула Кумух; битва с войсками иранского шаха Надира.

– Люди нашего годекана расскажут это своим сыновьям и внукам, соседям из другого аула, а те другим... И так от ущелья к ущелью, от горы к горе! Землей не будет съедено тело того, кого прославит Аллах!

Шамиль помолчал, выждал, не перебивая ничьих речей, – скажут ли аксакалы еще чего, затем поднял голову, стряхнув папаху с гордо повязанной на ней белой чалмой.⁵³

– Это можно, не знаю, успею ли до намаза...

– Не успеешь за этим костром – за другим доскажешь, – горячо откликнулись голоса.

– Кто я такой? – прислушиваясь к далеким звукам зурны, продолжил Шамиль, глядя на сидевших вокруг горцев.

Лицо учителя было сурово и замкнуто. Он улыбался редко, лишь излучинами губ, глаза от улыбки не смягчели, неприступно сохраняли свой неяркий булатный блеск. И весь он был скуп на краски, холодно-сдержан, похож на камень, которым так щедро усеяна многострадальная земля Дагестана.

– Кто я? – задумчиво повторил имам. – Сын садовника из далекого аула Гимры. Разве я особенный? Я не выше ростом и не шире в плечах, чем другие. В детстве... я и вовсе был хилым и слабым... Помню, как мать, возвращаясь с родника с кувшином воды, тяжело поднималась по каменным ступеням сакли... начинала разводить огонь в очаге и не могла сдерживать слез... Наши родственники и соседи, глядя на меня, скорбно качали головами и говорили, что долго не протяну. – Шамиль смолк, а на губах и скулах его отчетливей проявилась железная твердость. – Я сначала носил имя Али. Но когда крепко болел и был близок к смерти, прежнее имя заменили Шамилем, в надежде, что вместе со старым уйдет и моя гиблая хворь. Мои глаза не видели большого мира... Уши не слышали шума больших городов. Меня воспитали родные горы и пастбища... суры Корана и клекот орлов. Я никогда не был хозяином завидного добра и богатства... учился в медресе в своем ауле, который не больше ослиной головы. Родители, навьючив лошадь, отправляли меня в Темир-Хан-Шуру, на базар, продать гимринские персики и то немного, что рождала наша скудная земля. Долго я так ходил из года в год, со старой кобылой в поводу, по каменистым тропам. И вот что однажды приключилось со мной...

Было мне тогда не больше четырнадцати зим... В тот год засуха и зной стояли страшные... Много скота пало. Земля потрескалась и обуглилась, будто по ней прошел огонь. Трава покорибилась желтизной, ручьи пересохли, а реки обмелели...

Я спускался с гор. Неподалеку от Темир-Хан-Шуры, на окраине одного аула, меня встретили пять молодых парней, на год-два старше меня. У одного старое кремневое ружье было...

– Уо! Селям алейкум, ламорой⁵⁴ из Гимры! Хорошо, что ты попался нам со своей дохлой клячей. Угости джигитов персиками. Не видишь разве – жара? Пить хотим! – крикнул один из них и без спросу и разрешения запустил руки в мои корзины. – Э-э-э! Что за кислятину ты везешь? Челюсти сводит, волла-ги!

Наглецы ввали... персики были сладкими. Но вместо благодарности они выплюнули мне под ноги надкушенные плоды и бросили с насмешкой в лицо:

– И это ты несешь-везешь продавать на базар в Темир-Хан-Шуру?! Свиньи, и те отвернулись бы от этого дерьма!

⁵³ Чалмы на Кавказе обычно не носили. Чалму можно было увидеть лишь на некоторых представителях духовенства и важных людях среди жителей Причерноморья. В имамате Шамиля чалма была введена как знак отличия между гражданами разных званий и должностей. Кадиям, муллам и другим ученым людям – алимам – был присвоен зеленый цвет. Хаджиям – мекканским пилигримам, особо уважаемым в народе, – гранатовый, наибам – желтый и т. д. Сам Шамиль носил белую чалму, как и все простые мюриды. Впрочем, эти головные уборы не были чалмой в ее классическом, натуральном виде. Для горцев это было бы слишком хлопотно и не всегда по средствам. А потому роль чалмы в горах исполнял кусок кисеи, шелка, атласа или другой материи, обернутой вокруг обычной папахи // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

⁵⁴ «Ламорой» было презрительное название горцев // Толстой Л. Н. Хаджи-Мурат.

...Уж не помню, из какого они были тухума⁵⁵, из какой гары⁵⁶, – лукаво успехнулся Шамиль, проводя ладонью по своей огненной, крашенной хной бороде, – но шутки их мне не понравились. Я помню адат, помню законы: «Если рот держать закрытым, будет голова цела. Кто не поступает так, тот слабоумный». Видя к тому же, что их много, что все они меня старше, а у одного из них заряженное ружье... я попытался благоразумно пройти мимо. Но они окружили меня и принялись развешивать лошадь, стаскивать с нее корзины с фруктами и хурджины, которые наполняли руки моей матери.

– Эй, не горцы вы разве? Обычаев не знаете?! Или гимринцев, что выше вас в горах живут, за мужчин не считаете?! – крикнул я.

Но они лишь надрывали животы от хохота и потешались над моим беспомощным и растерянным видом.

Имам замолчал, глядя на пляшущие языки пламени, а люди, сидевшие у костра и слушавшие с чувством трепетного благоговения историю великого Шамиля, встретились с его упорным прищуренным взглядом.

...Мирно потрескивал, фыркал ставший ярче рубина валежник; из соседней сакли тянуло душистым кизяком и жареными лепешками. Молчали в стылой дреме дагестанские горы.

– Что было дальше, Учитель? – неожиданно откуда-то сверху сорвался звонкий голос.

Старики, задрав головы, недовольно зашумели, гневно потрясая посохами.

– Пошли вон, дети шайтана! Молнии на вас нет!

– Чтоб повысохли ваши языки, а дым, выходящий из труб ваших саклей, стал тоньше крысиного хвоста!

– Кто посмел осквернить этот час?! Кто бросил камень в ровное течение исповеди Святого Человека?!

Шамиль властным жестом утихомирил громкокопящих аксакалов и чухби. Он давно приметил на ближайших плоских крышах домов.⁵⁷

⁵⁵ Слово «тухум» на санскрите и фарси означает «семья», «деревенская община». У аварцев наряду с иранским «тухум» был распространен собственный термин – «кыбил» (буквально «корень»), у даргинцев – «джинс», у лакцев – «сака», у лезгин – «сихил», «миресар». Каждая такая группа возглавлялась одним или несколькими старшинами (чухби, карт, адилал, аксеккал, хистар и др.). Старшины, вожди вели текущие дела общины, рода, разрешали споры между ее членами. Они же выполняли функции судей по адату // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа. В книге Э. Исаева «Вайнахская этика» говорится: «...Чеченский тейп объединял семьи, связанные между собой кровным родством по отцовской линии. По мере разрастания тейпы (тухумы) распадалась на две или более части – гары (ветви тейпа, рода), каждый из которых со временем образовывал самостоятельный тейп. Все члены гары могли назвать имя своего реального предка. Кроме того, каждый чеченец должен был знать и помнить имена не менее 20 лиц из числа своих предков». «Как правило, большая семья, известная у горских народов Северного Кавказа под разными наименованиями, объединяла до пяти-шести и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки и т. д.). Численность ее достигала 40–60, а порою 100 и более человек. В ряде случаев в больших семьях, особенно феодальных, проживали и рабы, являвшиеся собственностью владельцев. На протяжении столетия рост числа членов семьи приводил к закономерному дроблению семейной общины. Выделившиеся семьи по мере возможности селились рядом, поблизости от отцовской семьи» // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

⁵⁶ В книге Э. Исаева «Вайнахская этика» говорится: «...Чеченский тейп объединял семьи, связанные между собой кровным родством по отцовской линии. По мере разрастания тейпы (тухумы) распадалась на две или более части – гары (ветви тейпа, рода), каждый из которых со временем образовывал самостоятельный тейп. Все члены гары могли назвать имя своего реального предка. Кроме того, каждый чеченец должен был знать и помнить имена не менее 20 лиц из числа своих предков». «Как правило, большая семья, известная у горских народов Северного Кавказа под разными наименованиями, объединяла до пяти-шести и более поколений ближайших родственников, преимущественно по прямой нисходящей линии (родители, их женатые сыновья, внуки и т. д.). Численность ее достигала 40–60, а порою 100 и более человек. В ряде случаев в больших семьях, особенно феодальных, проживали и рабы, являвшиеся собственностью владельцев. На протяжении столетия рост числа членов семьи приводил к закономерному дроблению семейной общины. Выделившиеся семьи по мере возможности селились рядом, поблизости от отцовской семьи» // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

⁵⁷ Высшим органом власти сельской общины (аула) являлось народное собрание. Здесь решались важнейшие вопросы жизни общества: войны и мира, заключения союза с соседними обществами или феодальными владениями, утверждения адатных норм или внесения в них изменений и дополнений, выбора должностных лиц. На собрание, как правило, должны были являться все взрослые мужчины общины. Сначала высказывались старики, потом мужчины среднего возраста и лишь

> десятки сверкающих в отблесках костра глаз наблюдателей и слушателей, которые заво-
роженно смотрели на него – своего защитника и Пророка, и ловили каждое слово.

– Что ж, и я был таким, уважаемые... Тоже взбирался на крышу послушать мудрейших
и посмотреть на знаменитых воинов. Уж это всяко угоднее Аллаху, чем если бы они тайком
ездили глазеть на крепости гяуров и слушать их лживые обращения к племенам гор. Эй, пока-
жись, смельчак, что осмелился перебить меня!

Все замерли... Но в следующую минуту на крыше сакли, расталкивая приятелей лок-
тями, объявился малец. Ни дать, ни взять – волчонок. Голенастый, худой, уши торчком, с
блестящими живыми глазами, жадно и преданно озиравшими Шамиля. Цепкие детские руки
крепко сжимали ножны и рукоять висевшего на поясе кинжала.

Имам не удержался, вновь улыбнулся излучинами губ и, уже обращаясь ко всем юнцам,
«оседлавшим» ближайшие крыши, повысил голос:

– Ну что, волки, быстры ваши ноги? Остры ли ваши клыки? Готовы рвать глотки русским
собакам?

– Аллах акбар! – точно выстрелы, грохотали десятки молодых голосов.

– Веди нас, Учитель!

– Прикажи седлать коней!

Шамиль удовлетворенно кивнул головой, увидев в багровом свете костра белозубые
оскалы подрастающей смены.

– Придет время, и я буду ждать ваши кинжалы и шашки в своих рядах! Аллах велик!

– Ля илляха иль алла! – точно из одной груди вырвалось дружное, фанатичное, вечное.

– А теперь дослушайте до конца начатое!

Шамиль опять поднял руку, призывая к спокойствию и порядку. Крики и ликование пре-
кратились мгновенно, взялась молитвенная тишина, так что ясно стало слышно таяканье и
плач шакалов с дальнего склона ущелья.

...Рассказчик щелкнул бирюзовым зерном каменных четок. Его обветренное в беско-
нечных походах лицо буро потемнело от прихлынувшей крови. Речь стала рубленой, краткой,
слова – тяжелыми, как свинцовые пули... и за ними чувствовалась сдержанность, таящая в
себе силу.

– Аллах свидетель, в ту минуту я испытал страх... Взрослыми и большими показались
они мне. В отрочестве всегда так... год кажется за три. Я хотел убежать, но не мог. Вы думаете,
что Шамиль из Гимры никогда ничего не боялся?... Позже никогда. С той поры я всякий раз
вспоминал этот стыд, а когда вспоминал, то уже ничего не страшился.

...Их вожак, решив посмеяться над гимринцами, сорвал папаху с моей головы, отбежал
и крикнул:

– Ты хвастаешь, что живешь ближе к орлам... Я живу у подножия горы, но кто из нас
больше мужчина?! По мне, так ты ничтожнее коровьего помета.

...Не помню, как я выхватил кинжал. Кровь клокотала в жилах. Сорвать папаху с горца
равносильно тому, чтобы бросить под ноги его честь! Я нагнал обидчика у ворот аула. Сбил с
ног у сточной канавы, приставил кинжал к его дрожащему горлу. Хотел убить шакала и зарезал
бы – не шути с огнем! – но он взмолился о пощаде... Сзади раздался выстрел. Пуля просви-

затем молодые, которые без особого разрешения говорить не могли. Голосование по обсуждаемым вопросам было открытым, о чем свидетельствует сохранившееся у аварцев выражение «Разияс килиш борхи!» («Пусть согласный поднимет палец!»). На собраниях царили порядок и дисциплина, отмеченные кавказоведом Н. И. Вороновым в записках «Из путешествия по Даге-
стану» (1870): «Но вот состоялся джамаат (собрание верующих; старейшин). Все члены его держат себя весьма дисципли-
нированно: у места молчат, у места говорят, и некоторые весьма бойко, плавно и дипломатично, у места слушают. Интерес
каждого – предмет схода, совещания; и если джамаат (годекан) собрался в ауле, подле строений, то крыши их переполнены
любопытными наблюдателями и слушателями, коим нет места в среде самого джамаата, – несовершеннолетними, а иногда
и женщинами. Это не стадо, это строго дисциплинированная толпа; импровизированным поведением ее на сходке может
остаться доволен любой ревнитель порядка».

стела в пальце от моего виска... Плохой стрелок был тот ламорой. В меня стрелял. Промаяхнулся. Воллай лазун! Берешь в руки ружье – целишься. Целишься – убей. Грохот только всполошил народ в ауле. Много вооруженных мужчин сбежалось на выстрел. Но прежде я крикнул разбежавшимся трусам: «Эй, вы! Если не хотите обжечь свои кишки о сталь моего кинжала, сделайте все как было!» Они не заставили меня повторять дважды. Корзины мои вновь были полны персиками из родительского дома. В тот день на базаре Темир-Хан-Шуры... я слышал, как старики говорили: «Об этом юноше мы еще услышим не раз!» Давно это было, но я не забываю, да и не хочу забывать. Потому что в эту минуту проснулся мой дух – мой огонь. В эту минуту я и стал Шамилем. Разве я хотел шума и драки? Они сами вывели меня из терпенья... Но знайте, – решительно сказал имам, обводя собравшихся пламенным взором, – в жизни каждого человека, как и в жизни каждого народа, наступает момент, когда следует высечь из своего сердца огонь.

...Потом прошли годы, много воды утекло. – Шамиль, отдаваясь воспоминаниям, протянул ладони к костру и закрыл глаза. – Как-то работал я в саду. Засучив рукава, таскал снизу на скалу чернозем и рассыпал его вокруг каждого деревца. Таскал землю я старой папахой. К этому времени уже несколько ран было на моем теле. Я их получил в разных схватках. И вот приходят ко мне наши горцы из других аулов, даже очень дальних, и говорят, чтобы я седлал боевого коня и надевал оружие. Мне не хотелось снимать с ковра шашку и ружье... Я отказался, потому что мирную жизнь – садоводство и пчел – любил больше, чем кровь и войну.

Тогда посланцы аулов сказали:

– Шамиль! Чужие кони пьют из наших родников, чужие люди задувают наши светильники. Сам сядешь на коня или мы поможем тебе?

И вновь загорелся в моей груди огонь, как в тот раз, когда меня оскорбили юноши, огонь, подобный тому и даже жарче. Я забыл про свой сад, я забыл обо всем. Ни дождь, ни ветер, ни стужа не могут погасить огонь, который вот уже почти тридцать лет носит меня по горам. Пылают аулы, дымятся леса, огонь и сталь сверкают сквозь дым во время сражений, пылает весь Кавказ. Вот что такое огонь!». ⁵⁸

Небо из жемчужно-розового сделалось пепельно-серым. Горы стояли в мягких сине-фиолетовых тенях. Подошло время маркачу-как – сумеречной молитвы (четвертой по счету в распорядке дня мусульманина), которая творится, когда на горизонте совершенно исчезнут лучи солнца.

Горцы убеждены, что они не только по времени суток узнают час, назначенный для намаза, но от потребности и привычки часто молиться ощущают приближение даже минуты молитвы. Это состояние они выражают словами «чорхоль льала» – «тело чувствует».

И, точно уловив настрой души правоверных к молитве, с плоской крыши мечети разнесся тягучий призыв муэдзина к намазу и омовению: «Аллах велик! Аллах велик!...». ⁵⁹

⁵⁸ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

⁵⁹ Первая строка азана (призыв к молитве), которая звучит четыре раза; готовясь к молитве, мусульмане совершают обязательное ритуальное омовение определенных частей тела, в определенной последовательности и с произнесением специальных формул. Затем, если молящийся находится не в мечети, он становится на молитвенный коврик (в походе бурку), обратившись в сторону Каабы, и сам произносит азан. Среди основных молитв, употребляющихся мусульманами во время намаза, следующие: «Аль-Фатиха» («Открывающая» – 1-я сура Корана) и «Аль-Ихляс» («Очищение», 112-я сура Корана) // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

Глава 6

Живет в огне преданий Кавказа и другая легенда о Шамиле. Быль это или небыль, кто знает?.. Но у каждого горца, пожалуй, есть свой немеркнувший образ беспощадного воина Ислама, грозы гяуров, великого мудреца и духовного деятеля, создавшего имамат на Кавказе, от Черного моря до Каспия.

Сказывают и то, что сам Шамиль услышал эту историю о себе от слепого дервиша, когда овладел Гергебилем⁶⁰ и возвращался с мюридами в свое орлиное гнездо – Дарго.

...Была осень, месяц – «Когда Поспевал Кизил», когда в аулах мальчишкам, достигшим должного возраста, делали суннат⁶⁰ и радостные отцы резали жертвенных баранов.

...Встретив на своем пути дервиша с поводырем, имам одарил несчастного серебряными монетами и, не открывая своего имени, попросил старца поведать ему какую-нибудь историю.

– Как? Ты не знаешь, благословенный щедрый путник, истории о великане и Шамиле? – изумился ниществуящий монах. – Тогда слушай... Бисмилла, аррахман, аррахим⁶¹

Однажды бесстрашный Шамиль остановил коня, решив передохнуть со своими джигитами в глухом ауле, вдали от наезженных дорог и горских селений... Много раненых и умирающих воинов было в его отряде, а кругом одни горы, пропасти да орлы в небе... Люди того тухума оказали помощь нуждающимся, но показались странными Шамилю. Ужас и страх жили в их потухших взорах... В саклях не звучало радостных голосов, не было слышно песен и тостов тамады⁶², не было видно и детей...

– Воллай лазун! Что случилось, уважаемые? Какое несчастье постигло вас? Кто обидел?! – задал вопрос жамаату прозорливый имам. – Поделитесь скорее горем... Быть может, я смогу вам помочь? На земле невозможного для меня – мало.

Долго переговаривались и шептались аульские старейшины между собой, прежде чем наконец решились поведать жуткую правду. Уж больно неловко им было тревожить своими заботами такого высокого и почетного гостя, какого им послал Милостивый Аллах. Но страх смерти много крепче стыда... он-то и развязал языки перепуганным аульцам.

...Между тем черное зерно страха заключалось в ужасном башибузуке, великане-людоеде трехметрового роста и звериного вида. Как оборотень, он рыскал в окрестностях аула, лишь только начинали расти вечерние тени, а над горами вспыхивал кровавый закат... Вели-

⁶⁰ «Одним из значительных обрядов детского цикла для мальчиков, – пишет исследователь Б. Рагимова, – был обряд обрезания – сюннет (суннат). Обрезание, встречавшееся у многих народов с глубокой древности, являлось частью обряда инициации. У лезгин, как и у других народов Дагестана, сюннет (по-араб. хитан – обрезание, или усечение крайней плоти) появился с принятием ислама. Обычай этот очень древний, известный еще по откровениям ранних пророков, и весьма распространен среди тех, кто покорился Аллаху. Определенных жестких возрастных границ для сюннета не было: были случаи, когда обрезание ребенку делали еще в колыбели. Однако чаще это был возраст от двух до четырех лет. Благоприятным временем для обрезания считались весна и осень, когда раны заживали быстрее и с меньшими осложнениями. В народе же говорили, что лучшее время для сюннета – когда кизил поспевал. Как событие жизненного цикла, сюннет у горцев не проходил незамеченным. По случаю сего события устраивалось угощение, родственники приносили мальчику подарки, родители совершали жертвоприношение. Особый размах это действо приобретало в том случае, когда в семье делали обрезание одновременно сразу нескольким мальчикам».

⁶¹ Бисмилла (бисмала, басмалах) – произнесение формулы и сама формула «Бисми Ллахи р-рахмани р-рахим», что означает: «Во имя Аллаха милостивого, милосердного!». Такими словами открывается почти каждая сура Корана. Некоторые мусульманские богословы считали, что первоначально «бисмилла» не входила в текст сур и служила лишь для их отделения друг от друга. «Бисмилла» произносят во время молитвы, а также приступая к любому делу. Этой формуле придается магическое значение, она пишется на талисманах, оружии, часто встречается в надписях на архитектурных сооружениях мусульманского Востока.

⁶² З. Шахбиев в своей книге «Судьба чечено-ингушского народа» пишет: «Тейп (тайп) возглавлял тайпанам хьалханча – предводитель, вождь тейпа или, как принято говорить, тхьамда (вернее, тамада – по-турецки означает “старший, старейший”). Предводитель руководил советом старейшин и участвовал во всех делах тейпа, указывая, как вести себя во всех обстоятельствах жизни. Все свои поступки и действия каждый член тейповой общины обязан был согласовать с вождем. Решающую роль в управлении родом играл не предводитель, а совет старейшин рода – демократическое собрание».

кан промышлял чем угодно и был первым добытчиком в этих зловещих горах. Он грабил всех подряд, отнимал зерно, угонял скот и коней, убивал охотников и чабанов... Крал женщин, а натешившись, вспарывал им животы, потрошил, как кур, и пожирал внутренности... Бездыханные тела злодей сбрасывал в бездонную пропасть. И не было для изверга ничего святого на свете. Аллах, царь и имам были для него пустые слова, так же, как шариат и адат.

– Где же были ваши мужчины? – Шамиль свел в гнев брови. – Или в вашем роду нет джигитов, способных защитить горскую честь?!

– Их давно нет, имам... – с горечью в голосе ответил за всех самый старший из жамаата. – Все наши воины, весь цвет и гордость тухума, много лет назад ушли под твои знамена сражаться с урусами... и давно взяты могилой. Одни сложили головы на Ахульго, другие погибли в Хунзахе, третьи остались лежать в земле близ аула Салты... Оглянись, Милосердный (Ар-Рахим) и Величественный (Аль-Джалиль) имам, разве твои зоркие, соколиные глаза видят в нашем ауле хоть одну папаху джигита? Одни женщины и дети... одни калеки и старики, руки которых иссохли и с трудом держат посох... Раньше в нашем ауле было пять по десять дымов⁶³... теперь, как видишь, не более двадцати. Война не родит людей... она их убивает... Последний раз на защиту нашего аула вставал шорник Иса со своими сыновьями Расулом и Гаджи. Никто из них не вернулся из чащи. Освободи нас, имам, от этого шайтана!

– Аллахом заклинаем тебя! Спаси наш аул... Найди способ!

– Что я с ним должен сделать? – спросил Шамиль.

– Убить, имам!

– Только убить!! А труп его бросить в пропасть на съеденье стервятникам и шакалам. Он же сам убийца – канлы нашего рода.

– Якши, – согласился Шамиль и в тот же день, после намаза, послал своих мюридов на поиски злодея.

...Долго выслеживали они коварного башибузука, наконец напали на огромные следы, по которым и вышли к его логову. Великан жил в пещере, вход в кою был усеян звериными и человеческими черепами.

...Десять лучших нукеров отправлял на это дело имам. Вернулось лишь семеро, словно побывавших в медвежьих когтях. На трех арканах батыры приволокли к ногам повелителя лесного оборотня. Он и вправду был невероятно огромен и силен, со звероподобным лицом, дремуче заросший волосом, как шерстью, похожий на дэва⁶⁴, рычащий и извергающий жуткие проклятья.

Чтобы наказать преступника по заслугам, собрался общинный суд – диван. Старейшины постановили выколоть людоеду глаза раскаленным на огне кинжалом. Ослепив злодея, воины-гази загнали его саблями в огромный зиндан⁶⁵ и заперли на четыре замка до назначенного часа казни.

...Прошло несколько дней. Люди аула не жалели резать баранов для мюридов Шамиля; кругом теперь слышались веселые голоса и детский смех. Покуда раненные поправлялись, перед имамом и его кунаками каждый день ставился на трех ножках низенький стол с кусками сочного шашлыка, козым сыром и овсяными чуреками. После шашлыка подавалась отварная

⁶³ На протяжении столетия рост членов родовой общины приводил к закономерному дроблению клана. Выделившиеся семьи по мере возможности селились поблизости от отцовской семьи. В высокогорных альпийских районах ландшафт и форма хозяйства делали рациональным расселение малыми деревнями (по 15–30 дворов); в долинах и на равнинах вырастали крупные «урбанизированные» аулы (от 100 до 1000 «дымов»), где настоящие и бывшие родственники селились «концами» или кварталами (в Дагестане они назывались «мехле» или «авал» // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

⁶⁴ Сказочное чудовище, обладающее огромными размерами и жутким видом, в преданиях и легендах народов Средней Азии и Кавказа.

⁶⁵ Глубокая яма, вырытая в земле, где содержались пленники.

баранина, разрезанная на куски⁶⁶, корта-когиш (баранья голова с галушками) и мясной бульон, заправленный сметаной и чесночной приправой.

И вот однажды, когда в камине прогорели последние угли, а в вышитой звездами тьме слышалось лишь мирное пофыркивание лошадей да убаюкивающий рокот реки, в комнате имама раздался оглушительный грохот.

Крепко спавший Шамиль вскочил с ложа, сбросив с себя покрывало из волчьих шкур, огляделся. Чинаровая дверь, отделявшая его комнату от кунацкой, была раскрошена в щепье, а на него надвигалась тяжело дышащая гора – не то человек, не то зверь, из глотки которого вырывался утробный рык. Имам понял: живодеру каким-то образом удалось вырвать кованую решетку с замками, и теперь он пришел свести счеты.

Гигант надвигался, прислушиваясь и озираясь; по-звериному втягивал ноздрями воздух и на каждый шорох оскаливал крупные клыки. В одной руке он держал закавказский древний, переделанный из средневекового меча тяжелый и широкий кинжал, ножны которого, сделанные из клюва пеликана, покачивались в такт его движениям... в другой – масляный от крови двуручный топор, которым горцы рубят туши быков.

Имам тоже схватил свой кинжал и крадучись, отступая к стене, дважды крикнул своих мюридов. Но никто не бросился, не откликнулся на его зов – убийца успел зарубить охрану. Аул безмятежно спал. Никто не слышал зова имама, да никому и в голову не могла прийти мысль потревожить сон грозного владыки.

Отступая под натиском великана, Шамиль бесшумно лавировал, ловил удобный момент, чтобы напасть на противника, а тот сослепу рвался туда и сюда, махал топором, рассекая со свистом воздух. Он смёл и разворотил все, что попало ему на пути.

– Ну где же ты, храбрец? Ненавистник урусов, любимец мюридов, которые, как безмозглые псы, кидаются на свою смерть? – неистово ревел гигант. – Где ты, удачливый хитрец, о котором трубят повсюду в горах? Где ты прячешься, трус? Иди, свяжи мне руки, померься силой со своей судьбой! Или ты, зрячий, боишься слепого? Или твой Аллах забыл о тебе?!

– Я здесь! – громко крикнул имам и тотчас отскочил в сторону. Тяжелый топор со страшной силой глубоко врубился в стену, опрокидывая развешанные тазы и котлы из меди, кувшины и миски, как раз в том месте, где секундой раньше находился Шамиль. Улучив минуту, имам прыгнул барсом на своего врага. Но тот был много сильнее, лютее, выносливее; закрутил его на своей спине, будто буйвол. Начал кидать и швырять, успел несколько раз поранить кинжалом. Но ловкость и быстрота Шамиля всякий раз выручали, ему удавалось избежать рокового удара. Поединок на кинжалах длился более двух часов. И все же ослепленный башибузок

⁶⁶ По принятому обычаю это блюдо гости должны начинать с курдюка, а голова предназначается старшему, который, впрочем, из любезности может предоставить ее в распоряжение и меньшей братии. Сам хозяин угощался куском мяса и одним глазом сваренного барана, остальное передавалось почетному гостю. Таким образом баранья голова обходила всех собравшихся за трапезой. Традиционными блюдами чеченцев, ингушей, дагестанцев были и остаются: жижиг-галнаш (мясо с галушками и чесночной приправой с перцем и солью), корта-когиш (баранья голова и ноги с острой приправой), домашняя колбаса, сискал-чурек, хингалаш (полукруглая лепешка с тыквой, которая выпекается на сковороде без жира), далнаш и чепалгаш (лепешки с различными начинками), халва из орехов. Пирог, пельмени, вареники с различными начинками (рубленным мясом, яйцами, творогом, картофелем, тыквой, курагой, зеленью и травами) готовили и у других народов. Самое распространенное блюдо было хинкал. Готовили хинкал различных размеров и форм, из кукурузной, пшеничной и др. видов муки, раскатывая тесто или делая лепешки. Обязательным компонентом была подлива из кислого молока, в которую добавляли толченый чеснок и пр. специи. Готовили блюдо так: отваривали в котле мясо, затем вынимали его, а в котел бросали четырехугольные кусочки раскатанного теста или лепешки (это собственно и есть хинкал). Иногда лепешки были крупными (особенность высокогорий, где из-за нехватки топлива и зерна хинкал использовали также в качестве хлеба) или скатанными в виде трубочки. Через должное время их вынимали шумовкой и клали в большое блюдо. Рядом ставили острую подливу. В посуду, из которой ели хинкал (деревянные чашки), позже наливали мясной бульон. Ели хинкал палочками из барбарисового дерева с двумя острыми концами. Иногда на сковороде поджаривали мелкими кусочками сушеную колбасу, перетертое с ягодами мясо или кусочки курдюка, а затем добавляли сыровоточный уксус. Когда вся эта масса закипала, ею заливали хинкал, выложенный в миски // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

загнал Шамиля в угол, схватил за пояс, вскинул над головой и хотел размозжить о каменный пол...

Но поднятый в воздух Шамиль изловчился и в последний момент успел вогнать кинжал в горло злодея. Тот дико захрипел, истекая кровью, пошатнулся и рухнул. Кинжал и топор выпали из его страшных рук. Утром нашли их обоих в растекшейся луже крови. У Шамиля, говорят, оказалось девять ран после той схватки! – закончил свой рассказ дервиш. – Имаму еще целый месяц пришлось лечиться вместе со своими джигитами в том ауле, пока он вновь не стал сильным, как тур, храбрым, как лев, и горячим душой, как огонь.

– Ты сам-то веришь в эту историю? – глядя в застывшие бельма дервиша, отрывисто спросил Шамиль.

– Ка-ак не верить, брат? – искренне удивился странник. – Если об этом говорят горы!..

Имам не стал ни в чем разубеждать нищего, хотя, как мудрый и образованный человек, сразу уловил нить народной аллегории в сем рассказе. «Моя борьба... борьба всего Кавказа с могущественным Белым Царем и его войсками, – подумал он, – и вправду во многом напоминает эту схватку... Противник в незнакомых ему горах действует, как тот слепой великан. Мои же горцы ловко увертываются от смертоносных ударов и вгрызаются, как волки, то в спину, то в ребра, то в холку неповоротливому врагу... Еще бы суметь нанести тот сокрушительный, последний удар... Но сколько уж было их!.. Рука устала поднимать окровавленный кинжал, а царских войск становится все больше и больше, как листьев в лесах Ичкерии, как песку в кумыкских степях...»

...Усмехнулся имам и тому, что дервиш назвал даже количество ран на его теле... В бою с русскими еще молодой Шамиль и его учитель Кази-Магомед⁶⁷ были заперты в Гимринском ущелье, в боевой башне.⁶⁸

...Только ошибся «немного» в подсчете ран бродящий пустынный... Не девять, а девятнадцать ран получил тогда Шамиль из Гимры, но все же сумел уйти от смерти и бежал в горы.

Благодаря слепому дервиша за рассказ, имам с горечью подумал и о том, что в его земной власти есть право лишить человека зрения, но не наоборот...

Уже ставя ногу на стремя, он оглянулся, услышав истошно-восторженный вопль слепца:

– Во имя Аллаха, милостивого и милосердного! Нет никакого божества, кроме Аллаха... как нет в наших горах и другого имама, кроме Шамиля!.. Скажи, о щедрый человек, несчастному калеке... Правду ли шепнул мой поводырь о тебе? Ты – Шамиль из Гимры?!

– Встреча наша да будет к счастью, – ответил имам. – Да продлится твоя жизнь, смиренный... а дорога будет прямой.

– Хвала Аллаху, Господу миров, что свел меня, ничтожного, с тобою, о Великий! Айдар много прошел... Где только не был... Знай, господин, что кланяются тебе люди из верхних и нижних аулов, и Кабарды, и Карачая... Чегемское ущелье и Баксанское! Знай, великочтимый

⁶⁷ К а з и – М а г о м е д (Гази-Магомет, Кази-Мулла, 1792–1832) – первый имам Дагестана (1828–1832), пытавшийся объединить горцев Кавказа и создать теократическое государство горцев Дагестана и Чечни в конце 1820-х – начале 1830-х годов.

⁶⁸ Автор очерка «Кавказ в его настоящем и прошлом» Е. Марков писал: «Улицы как таковой нет в ауле; каменные двухъярусные бойницы, которые горец называет саклями, отступают друг от друга ровно настолько, чтобы человек с трудом мог протиснуться среди них... Над крышей одной бойницы торчит другая, над другой – третья, и получается щель, заменяющая улицу, вьется и лепится, как змея, по отвесной круче, у подножия всех этих без порядка насыпанных в кучу каменных редутов...» Часто главная улица запиралась глухими, окованными листовым железом воротами, и по краям ее ставились сторожевые башни. По словам исследователя Дагестана Ф. И. Гене, в селении горцев «обыкновенно имелось только два выхода. <...> Горцы стараются для сего избрать самые крепкие от природы места, кои нередко обороняются башнями или стенами из камня. Таковы были знаменитые Гимры – родина имамов Гази-Магомеда и Шамиля, аулы: Гуниб, Мекеги, Урахи, Хаджалмахи и мн. др.» >. «Видя всю безвыходность положения, отчаянный Шамиль прыгнул вниз на вражеские штыки и кинжалом расчистил себе путь. Горцы считали, что он погиб. И когда он объявился в родном ауле, его мать, уже одетая в траур, спросила с удивлением и радостью:– Шамиль, сын мой, как же ты выжил?– Набрел в горах на родник, – ответил Шамиль».

Шамиль, для тебя народ все отдаст: и реки, и пастбища, и скот, и лошадей, и жизни! Ничего не жаль для тебя – Защитник. Честь и хвала тебе! Честь и хвала!

...Грохот движения туменов⁶⁹ Шамиля растоптал голос потрясенного дервиша, но не заглушил смысла сказанного. «Мы как гвозди вколочены в родные скалы... И никто не имеет права вытаскивать нас из наших гнезд». «Бейся, Шамиль, с неверными! Сбереги наши горы и очаги... И пусть звон гнева твоих сабель усладит могильный сон павших героев!»

Решительность этих призывов радовала и окрыляла измученного бесконечной войной имама, но сердце умиротворить не могла. Оно болело о своем народе, как может болеть только сердце горца-отца о своих детях. Ввергнутый в кровавую пучину войны, разделив с людьми горе утрат, Шамиль уже давно не выделял ни свой тухум, ни свое племя, ни свой язык из общего многоголосья Кавказа⁷⁰: даргинцы, андийцы, лакцы, лезгины, ногайцы, табасаранцы, аварцы, кумыки, чечены и ингуши, черкесы и кабардинцы – отныне все были его детьми: руби любой палец на руке, любой будет больно и жалко!

Шамиль с детства усвоил: аварское слово «миллат» имеет два значения – род и забота. «Кто не заботится о семье, тот не может заботиться и обо всем народе», – учил его отец.

* * *

О Кавказе говорят: «Страна гор и гора языков». К Дагестану это относится в первую очередь. Жестокие враги, приходившие с огнем и мечом покорить Дагестан, называли его «Тысячеглавый дракон». Соседи-горцы, приезжающие обнять старых друзей и поклониться могилам усопших, называют его «Многоветвистым деревом». И то справедливо: нет на земле другого такого удивительного места, где было бы так мало народу и так много народностей и племен. Каждый дагестанец знает старинную легенду о том, как Создатель одарил его племя языком.

А было это так:

«...Ехал однажды по земле посланник Аллаха на муле и раздавал из огромного хурджина всем народам их языки. Долог был его путь, как сама дорога... Побывал он у тех и других. Китайцам он дал китайский язык, индусам индийский. Побывал у арабов и подарил им арабский язык. Греков одарил греческим, французов и немцев своими языками, русских – русским и так далее...

Разные были языки: один певучий, другой твердый, третий красочный, четвертый нежный, пятый сухой...

Народы радовались такому дару и тотчас начинали говорить по-человечески, каждый на своем языке. Благодаря своим языкам люди лучше узнавали друг друга, а народ лучше понимал другой, соседний народ.

...И вот доехал на своем муле тот Божий посланник до гор и долин Дагестана. Только что он вручил языки грузинам и осетинам... и надо же было случиться такому! – в горах Дагестана в тот день бушевала снежная буря. Колючий снег крутился в ущельях и поднимался до неба, ветер ревел, как раненый зверь, и ничего не было видно – ни дорог, ни жилья. Слышно только,

⁶⁹ Один тумен конницы насчитывал десять тысяч всадников (*тиорк.*).

⁷⁰ Языки горцев Кавказа (их более 40) весьма разнообразны, как разнообразны населяющие Кавказ народы. Ученые называют кавказские языки иберийско-кавказскими, включающими группы картвельских, абхазо-адыгских и нахско-дагестанских языков. Иногда дагестанские и нахские языки рассматривают как две различные группы. Представлены на Кавказе и другие языковые группы. На нахско-дагестанских языках говорят чечены и ингуши, аварцы (вместе с имеющими самостоятельные, но близкие аварскому языки ахвахцами, каратинцами, андийцами, ботлихцами, годоберинцами, тиндалами, гамалаялцами, багулалами, хваршинами, дидойцами, бежтинцами, гунзибцами, гинухцами и аргинцами), даргинцы (включая кубачинцев и кайтагцев), лезгины, лакцы (лаки), табасаранцы, рутульцы, агулы, цахуры. К абхазо-адыгской группе принадлежат адыги, черкесы, кабардинцы, абхазы и родственные им народы Западного Кавказа. К тюркской группе алтайской языковой семьи относятся кумыки, карачаевцы, балкарцы, азербайджанцы и ногайцы. Осетинский и татский (язык горских евреев) языки принадлежат к иранской группе индоевропейской семьи языков. Языки горцев во многих отношениях уникальны. Язык табасаранцев, живущих в Дагестане, попал в Книгу рекордов Гиннеса, поскольку он использует самое большое в мире число падежей – 37! // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

как во мраке завывает ураган, временами обрушиваются скалы да неистово гремят четыре горных реки...

– Нет, – заключил раздаватель языков, у которого уже начали леденеть усы, – не буду я ломать руки и ноги, карабкаться по этим скалам, да еще в такую метель.

Взял он свой хурджин, в котором на дне лежали еще пригоршни две-три нерозданных языков, да и высыпал все языки на дагестанские горы.

– Берите кто хочет, – сказал он и скрылся во мгле.

Высыпанные языки подхватила буря, начала носить и метать по ущельям, скалам и пропастям. Но тут выбежали из своих домов все дагестанцы. Торопясь и отталкивая друг друга, побежали они навстречу благодатному золотому дождю, которого ждали тысячи лет. Начали хватать, собирать драгоценные зерна, кому какое досталось. Каждый тогда раздобыл себе свой родной язык. Разошлись горцы со своей добычей в сакли дожидаться, пока не кончится ураган.

...Утром встают: в синем небе играет солнце, снега на земле как не бывало. Глядят – гора! Теперь это уже “гора”. Смотрят – море! Теперь это уже “море”. Его можно назвать по имени. Все, что ни попадется на глаза, все теперь можно назвать. Радость какая! Вот – хлеб, вот – мать и отец, вот – сакля, вот – очаг, вот – сын и дочь, вот – соседи, вот – конь, кинжал...

Высыпали все люди на улицу, крикнули хором: “Гора!” Слышат – получилось у всех по-разному. Крикнули хором: “Море!” Вновь получилось по-разному. Так и пошли с тех пор аварцы, лезгины, даргинцы, кумыки, таты, лакцы... А все это с тех давних пор называется Дагестан. Отделились люди от овец, от волков, от медведей, от кузнечиков... Горец уверен, что коню немножко не хватило, чтобы он сделался человеком»⁷¹.

– Но зачем так... поступил посланник Аллаха? – наперебой теребили вопросами Шамиля его малые сыновья. – Почему испугался он тогда снежной бури и наших гор? Отчего бросил нам языки из хурджина не глядя? Что он наделал?

– Разве соседи наши: лакцы, цумадинцы, аварцы, черкеи и чохцы – не братья нам по духу и вере?

– Разве не одно у нас сердце, обычаи, нравы?! Зачем разделил, разъединил нас языками Божий слуга?

– Всевышний ведет нас прямой дорогой... – словами из Корана отвечал Шамиль. – Аллах не совершает ошибок, как и его слуги. Значит, таков был высший замысел. И помните, плохих языков не бывает. На то людям и даны разные языки, чтобы в конечном счете они объединили всех нас. Моему деду говорил его дед, что когда на нас налетели орды хромого Тимура и в ущельях зазвенела сталь, а реки стали красными от крови, народы Дагестана с полуслова стали понимать друг друга. А потом были арабы и нашествие персов... Все они хотели вырезать наши языки и пришить свой. Но оттого, что жестокие враги трясли нашу руку, пальцы Дагестана не оторвались, не выпустили шашку и кинжал. То, что не успевал сделать язык горца, помогал ему сделать огонь. Как тысячу лет назад, так и теперь, когда враг переходит границу нашей земли, на самой высокой горе люди разводят огонь высотой с крепостную каланчу. Завидев его, все аулы как один разжигают свои костры. Это и есть наш стремительный клич, который из века в век заставляет наших воинов садиться на боевых коней. Вы сами это видели, и не раз, – обнимая сыновей и прижимая их к своей широкой груди, продолжал отец. – Из каждой сакли выезжали всадники, из каждого аула выезжал уже готовый отряд. Конные и пешие выходили на зов огня. Покуда пылали костры на горах, старики, женщины и дети, оставшиеся в аулах, знали, что враг все еще находится в наших пределах. Когда костры затухали – люди знали: опасность миновала. Только на моем веку сколько уже было этих сигналов на вершинах гор... Сколько еще будет... Эти огни для нас как боевые знамена, как приказы, как воля Аллаха. А потому запомните, сыновья, две старые истины...

⁷¹ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

Шамиль опустил голову и долго просидел так, не то подбирая нужные слова, не то прислушиваясь к голосу своего сердца; потом огладил бороду и, приложив руку к груди, убежденно и четко сказал:

– Наш народ говорит: «Самое надежное место для кинжала – ножны, для огня – очаг, для мужчины – дом. Но если огонь вырвется из очага и запылает на вершине горы, то кинжал, покоящийся в ножнах, – не кинжал, а мужчина, сидящий с женой у домашнего очага, – не мужчина». И второе: «Как родную землю, надо беречь язык».

А Хаджи-Мурат, прибывший в тот день к имаму⁷² из Хунзаха со своими джигитами, добавил:

– Слова – те же пули, попусту их не трать.

* * *

...С того дня, когда Шамиль овладел Гергебилем и возвращался на отдых в Дарго, минуло два года.

⁷² В 1832 г., при взятии русскими аула Гимры, погиб первый имам Дагестана и Чечни Кази-Магомет. Его пронзенное русскими штыками тело сразу сделалось предметом поклонения. Преемником Кази-Магомета объявил себя Гамзат-бек. Он вновь собрал мюридов и решил пока не трогать русских, а предварительно овладеть Аварией. Это удалось ему в 1834 году, после чего Гамзат-бек решил покорить Дагестан. Однако был убит одним фанатиком-аварцем (братом Хаджи-Мурата Османом). Движение мюридов возглавил сподвижник Кази-Муллы – Шамиль; тогда он принял титул имама, сделав своим главным оплотом аул Ахульго, что по-арабски значит «прибежище». Влияние и сила войск Шамиля возрастали с каждым днем // Керсновский А. А. История русской армии.

Глава 7

...С незапамятных времен у горцев Кавказа бытует понятие «абрек». У осетин – «абыраег», у адыгов – «хеджрет», и так далее от перевала к перевалу, от народа к народу... Но в разное время понятие это имело в горах и разное значение.

Абреками называли себя те скопища «сабель и ружей» свирепых башибузуков, пытавшихся захватить власть в Хунзахе – столице Аварского ханства в период безвластия⁷³, когда в результате кровной мести был убит в мечети второй имам Гамзат-бек, беспощадно вырезавший перед этим всю ханскую власть. Шамиль сурово и кроваво, как и пристало Кавказу, положил конец их бесчинствам.

Абреками называли и горских «Робин Гудов», разных мастей заступников простого народа, боровшихся свинцом и сталью, хитростью и обманом против горской знати и государственной администрации⁷⁴.

Царское командование величало абреками всех немирных горцев, совершавших набеги, во все три периода Кавказской войны. Имелись в виду горцы, не входившие в имамат Шамиля; порою в абреки записывали и наиба имама – аварского льва Хаджи-Мурата за его дерзкие и грабительские набеги, как, впрочем, и других отчаянных горских сорвиголов.

Существуют в горах и другие «цвета» и «оттенки» абречества⁷⁵, однако абреческая судьба Дзахо Бехоева сводилась к самой расхожей кавказской правде: «Был человек, и нет человека», ушел человек в горы из-за крови – «за кровь». «По трагическому стечению обстоятельств...» – обыкновенно в таких случаях выводило в учетном «гроссбухе» сонное перо царской канцелярии.

⁷³ Имеется в виду 1834 год.

⁷⁴ Особенный размах абреческое движение приобрело в Чечне, где оно развивалось с 20-х годов XIX века. З. Шахбиев пишет в своей книге: «Начало горному абречеству положил Бейбулат Таймиев. Абреков всегда отличали беззаветный героизм и решительность в действиях, а также поразительная конспирация. Почти все абреки были защитниками простых людей: они помогали им в беде, наказывали их обидчиков – богачей. Самыми выдающимися абреками в середине XIX века были Атабай и Вара, сверхотважные и сверхрешительные люди, навсегда оставшиеся в истории освободительной борьбы чеченского народа...» В других источниках упоминаются также известные абреки: Наба, Геха, Мехти, Успан, Эска, Зелимхан и др. Тема абречества нашла отражение не только в народном творчестве, в былинных песнях и сказаниях, но и в произведениях русских классиков. Вспомним хотя бы «Хаджи-Абрека» М. Ю. Лермонтова.

⁷⁵ Л. Н. Толстой в начале 1850-х годов писал: «Слово абрек так употребительно на Кавказе, что почти получило право народности в русском языке; но мы употребляем его совсем не в том значении, какое имеет оно между туземцами. Таким образом довольно трудно объяснить настоящее значение этого слова. Русские называют абреками всех горцев, в особенности тех, которые ходят на разбой в наши границы. Понятие абрек у нас часто тождественно со словами: молодец, джигит, удалец; иногда абреком называют бобыля, бездомного человека, готового на все. Но между туземцами на Кавказе слово абрек имеет более тесное, более определенное значение. Мирный татарин никогда не назовет абреком горца: по его понятию, абрек только тот, кто бежал в горы из мирного аула, – и, обратно, горцы, и даже мирные, называют абреками всех тех, которые переселяются из гор в мирные аулы. Если горец сделал в своем селении какое-нибудь преступление – убийство или воровство, за которое боится преследования, – он бежит из своего аула в другой и скрывается там: тогда его называют абреком, и прозвище это остается при нем до тех пор, пока какими бы то ни было средствами не помирится он со своими преследователями и не вернется на родимое место. Часто князь держат таких абреков у себя, защищая их от преследования, а за то абрек усердно служит князю. Обыкновенно это бывают самые верные люди, готовые исполнить все, что прикажет князь. Такого рода сделка не имеет ничего предосудительного; напротив, чем более при князе абреков – а они большею частью канлы, т. е. убийцы, – тем большим уважением пользуется он, как человек сильный». Царское командование после похода Шамиля в Кабарду объявило всех ушедших с ним в Чечню кабардинских князей и дворян – абреками. Совсем другое значение приобрело понятие «абрек» после Кавказской войны. Племена Западного Кавказа, не желавшие покидать родину и переселяться с гор на равнины или даже в Турцию, пытались отстоять свою свободу с оружием в руках. Но, теснимые превосходящими силами, вынуждены были прекратить сопротивление. Горцы, не желавшие смириться с такой участью, уходили в абреки. Они скрывались в горах и лесах, вели партизанский образ жизни и доставляли изрядно неприятностей новым властям. Их дерзкие налеты на комендатуры, обозы, почтовые дилижансы, фурунги с фуражом и боеприпасами, угоны скота и другие акции находили поддержку у местного населения, считавшего их народными заступниками.

В кавказской песне звучит тот же вердикт, только омыт он слезами и горской кровью, которая «...и сейчас остается прежней: это – альянс воды горного ручья с искрами, исторгнутыми ударом железа о кремневую скалу»⁷⁶.

*Он был обычный человек,
Теперь кричат ему: – Абрек!
Любимую спасая,
Убил он негодяя.*

*Исполнил он мужчины долг,
Теперь скитается, как волк.
Поступок был прекрасен,
Но стал он всем опасен.*

*Нет ничего – осталась честь.
А след взяла слепая месть.
И нет нигде покоя,
Как вечному изгою...*

* * *

...Знал эту песню и Джемалдин-бек. Хорошо знал. С детства знал. Но... знал и то, что пока Дзахо-канлы не будет убит, не будет положен конец и кровомщению. Никакой алым или дият, взысканный с рода Бехоева, не охладит его сердце. За убийство соплеменников, за бесчестье для целого тейпа ему, Ахильчиеву, как самом ближайшему родственнику, не только позволялась, но и вменялась священная обязанность найти и убить виновника без всякого суда или разбора дела... Адат⁷⁷ велел, адат указывал: «В случае, если мужчина убьет соплеменника-одноверца, а потом скроется, с него трехмесячный штраф и семеро кровников. На того, кто не подчинится сему решению, падает двойная кровь и двойной бук – расходы по ранению или смерти»⁷⁸. В подобных случаях скоро мириться с кровником или его родней, брать выкуп или удовлетворение для обиженной стороны было бы постыдной слабостью и малодушием.

Знал Джемалдин-бек и то, что кровная вражда и семейные распри между сильными тейпами тянулись порой десятки, а то и сотни лет; горы знали немало историй, когда захватывались и уничтожались целые аулы; людей убивали или продавали на невольничьих рынках в рабство.

Знал он и то, что канла переходит по наследству от отца к сыну и распространяется на всю родню убийцы и убитого. Самые дальние родственники убитого будут обязаны мстить за его кровь... Оттого сила и значение любого рода со времен сотворения мира во многом зависят от числа кинжалов и папах кровомстителей, которых он может выставить. Каждая капля крови, по мнению горца, обязана быть отомщена, ибо кровь покойника не перестанет кипеть и его не допустят небесные ангелы к престолу Всевышнего, доколе не будет взята кровь за его кровь.

⁷⁶ Казбеги А. Письма и заметки.

⁷⁷ Общество, как известно, не может существовать без определенных норм и правил. У горцев Кавказа существовал ряд норм, именуемых адатами, которыми они руководствовались в своей повседневной жизни. Адат – слово арабское, означающее «обычай», «привычка». Так называют издревле сложившееся обычное право. На Кавказе этим термином обозначали законы и обычаи, существовавшие до шариата или действовавшие параллельно с ним. Адаты включали в себя нормы бытового характера, юридические обычаи и сами нормы права. Свои сборники адатов имели как феодальные владения, так и сельские общины и союзы общин горцев.

⁷⁸ Здесь в качестве примера приведен отрывок из свода законов Рустем-хана, принятых в XVII веке; раздел I, пункт 6. См.: Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

...Именно поэтому Ахильчиев-волк приказал своим нукерам вырезать весь аул до последнего старика.

...Именно поэтому Ахильчиев-волк словчил в разговоре с наибами Шамиля Талгиком Аргунским и Тарамом Сунженским, заручившись их грозной поддержкой, обскажав все так, что люди Аргуни якобы предали Газават и взяли сторону русских.

...Именно поэтому в беседе с самим имамом Джемалдин-бек умело сыграл на его верности своему слову, своим «железным» низамам⁷⁹, которым следовали все горцы от последнего поденщика до знатнейшего наиба.

* * *

– Перед лицом Аллаха, Пророка и твоим, о Всесильный правитель... я готов поклясться здоровьем своих детей... Дзахо Бехоев, полукровка из Аргуни, похитил нашу Бици... Ужели дозволишь коршуну унести голубку в своих когтях из родного гнезда? Ужели отступишься, о неотступный имам, от своих низамов и дозволишь опозорить честь нашего рода, который предан тебе, как кинжал ножнам?

– Ты утверждаешь, что аул Аргуни протянул руку помощи нашим врагам? Как это может быть, чтобы народ предал свою родину? За их спинами родное ущелье, родной аул... следовательно, их колыбель, их совесть...

– Но, повелитель!

– А этот, как его, полукровка?.. – Шамиль, не шевелясь, пристально посмотрел на своего мюршида.

– Дзахо Бехоев, мой повелитель.

⁷⁹ «На территории Имамата действовала особая система права. Она базировалась на низамах имама Шамиля, представлявших собой кодекс законодательных актов, регулировавших различные стороны жизни горцев и деятельность государства в военных условиях. Низамы были основаны на шариате, а также учитывали лучшие обычаи Кавказа. Низамы Шамиля преобразовали большинство отраслей права: государственного, уголовного, гражданского, административного, земельного, финансового, семейного. Демократизм установленных низамами норм превосходил все известные до той поры правовые системы Востока. Низамы способствовали укреплению правопорядка и уменьшению числа правонарушений, удовлетворению материальных и духовных потребностей, нормализации семейно-брачных отношений, обеспечению защиты прав и интересов граждан Имамата. Судопроизводство в аулах, входивших в состав Имамата, осуществляли муллы и кадии; на территории наибоств – муфтии. В ведении последних находились как гражданские, так и религиозные дела. Решения указанных должностных лиц исполнялись добровольно. В случае несогласия или отказа одной из тяжущихся сторон уголовное или гражданское дело разбиралось наибом, на решения которого можно было подавать апелляции имаму. Ближайшими помощниками наибов были дибиры. Они разбирали и решали самые незначительные дела, а более важные передавали на рассмотрение муфтиев и наибов. В ведении наибов находились татели, которые следили за исполнением горцами норм шариата и низамов, а также приводили в исполнение приговоры о телесных наказаниях. В Имамате существовал институт мухтасибов. В их компетенцию входил тайный контроль за деятельностью названных выше должностных лиц. Мухтасибы сообщали имаму о результатах своих наблюдений для принятия надлежащих мер. Низамы определяли состав различных преступлений и устанавливали систему наказаний. Наиболее распространенными видами наказаний были: денежный штраф, высылка (изгнание из племени, аула), общественное осуждение, телесные наказания, содержание под арестом, смертная казнь. Ряд низамов был принят для исключения или сокращения числа убийств на почве кровной мести. Реализация этого закона привела к значительному сокращению числа убийств из-за кровной мести, спасла от гибели множество горцев. Воровство по низамам Шамиля наказывалось штрафом и трехмесячным заключением в зиндан (яму). Нормы шариата, предусматривавшие за кражу отсечение конечностей, применялось редко. Этим нововведением имам старался сохранить жизнь и здоровье горцев, давая виновным возможность искупить свой грех на поле боя, что было вполне оправданно в условиях непрерывной войны с русскими. Для воров-рецидивистов и разбойников предусматривались более длительные сроки либо смертная казнь. Целый ряд низамов посвящался вопросам семьи и брака. Их нормы были направлены на то, чтобы укрепить семью, не допустить необоснованных разводов, облегчить положение женщины, обеспечить воспроизводство населения, создать нормальные условия для воспитания детей. Так, по адату от жениха требовался большой калым – выкуп за невесту. В связи с этим некоторые горцы до старости оставались холостыми. Другие вынуждены были похищать своих невест, из-за чего часто совершались убийства, которые, в свою очередь, вызывали кровную месть и вражду между родами. Чтобы положить всему этому конец, Шамиль резко уменьшил размеры калыма: до 20 руб. за девушку и до 10 руб. за вдову и разведенную женщину, а сторонам предоставил право еще сокращать калым по взаимному согласию. Была усложнена процедура развода. Низамы предусматривали, что за женщиной при разводе сохраняется не только калым, но и родительское приданое. Похищения невест были запрещены, а виновные и соучастники строго наказывались» // Там же. Генерал-лейтенант Ф. К. Клюки фон Клюгенау, 30 лет прослуживший и провоевавший на Кавказе и лично знавший имама, писал: «Справедливость требует сказать, что строгие меры Шамиля приносят явную пользу: они уменьшили убийства, грабежи и воровство».

– Он осетин?

– По крови матери, повелитель.

– Так значит, Дзахо? И ты точно знаешь, что он увез ее в свое ущелье?

– У меня есть свидетели. Известный тебе алдары Тахир, племянник уважаемого Хан-паши, уже отправился со своими людьми в Аргуни... Но родственники Бехоева... их много, имам... Они могут не выдать вора... Как бы не пролилась кровь.

– Старая история... – Шамиль глубокомысленно задумался. – Но, может быть, они любят друг друга? Девушка нашла себе жениха... Ушла с ним. Не лучше ли вам ждать почетных гостей и приглашения на пир? За кукурузными лепешками и жирной бараниной вы быстрее договоритесь о маслаате, чем с оружием в руках?

«Событие, не выходящее из ряда вон для наших гор, – подумал имам. – Обычное дело, что родственники оценивают девушку, как доходную статью, и хотят поиметь побольше. Возможно, ахильчиевский род попусту беспокоит меня?.. Вайнахи жадны до денег...»

– Все так, повелитель, но ее ведь у нас похитили! – не унимался разгневанный Джемалдин-бек. – Не по своей воле... похитили! Разве твой низам о запрете похищения невест не распространяется на всю Чечню?

– Закон для всех один⁸⁰, – потирая колено, усмехнулся Шамиль и обернулся к обступившим его мюридам. Прославленные горцы одобрительно загудели на разные голоса. Имам пригубил пиалу с зеленым чаем, смакуя душистую чашу, и снова посмотрел в мерцавшие возбуждением глаза родовитого чеченца.

Имам не вполне верил Ахильчиеву. Чувствовал его скрытое напряжение, ужинуя изворотливостью, желание выгадать свой интерес, перехитрить, упрятать поглубже правду, до которой хотели добраться вопросы ближайших помощников Шамиля – дибиров и муфтиев. Однако тот не мог допустить и мысли поставить под сомнение собственный свод законов, именуемый в народе низамами – «кодексом Шамиля».

Ко всему прочему, Джемалдин-бек был известный и почитаемый мюршид в наибстве Талпика Аргунского, из богатого кинжалами и папахами ахильчиевского тейпа; бесстрашный, проверенный воин, преданный Газавату; его джигиты доставляли немало бед и хлопот карательным отрядам гяуров в Черных горах Чечни и надежно держали «на замке» Аргунское ущелье. А кто такой был Дзахо Бехоев?.. Безродный полукровка? Чечен? Осетин? До сего дня Шамиль и не знал о таком... Впрочем, однажды он, кажется, слышал краем уха не то от Ада-хана, не то от Занди, не то от Солтамурада или еще от кого-то из тех мест о смелом юноше, ходившем в набег за Терек... у того юноши тоже как будто было странное имя... Ну так мало ли славных джигитов знают горы Чечни и Дагестана? «Если я откажу Джемалу, – решил имам, – меня неправильно поймут. Кому чабан люб, любя и его собака. Не плюй в яму, где вода... быть может, придется из нее пить».

– Закон для всех один... – растягивая слова, повторил Шамиль.

– Вот и я о том же! – вспыхнул чеченец. – Уо! Дай дорогу моим нукерам, Справедливый Шамиль, рабом твоим стану до конца дней своих! Волла-ги, билла-ги!... Иначе Ахильчиевым за ворота нельзя будет выйти. Каждый аулец отвернется от нас: разве они люди, разве мужчины они? Не сумели уберечь свою девушку, защитить свою честь! Бабы шальвары им! Платки на головы! Ва-а!!

⁸⁰ Рядовой 10-го Грузинского линейного батальона И. Загорский, побывавший в плену у горцев, писал о низамах Шамиля: «...Все сохраняют равенство, из пределов которого ни богатство, ни высшие дарования не в состоянии никого вывести... Теперь за всякую вину определены взыскания в Имамате: штраф, темница (зиндан) и телесное наказание, от которого никто не избавляется, будь то пастух или хан. Все сии наказания приводятся в исполнение с величайшей точностью, и нужно сказать правду, что преступления становятся редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить выюки золота, не опасаясь лишиться их».

– Довольно. – Имам охладил пыл горца. Передал пустую пиалу в руки стоявшего за его спиной молодого мюрида; задумчиво посмотрел на едва черневшего в облаках орла, который казался недвижимым на своих распластанных крыльях, потом задержал взор на погруженных в дневной сон охристых скалах и вдруг бросил в лицо просителя: – Ты считаешь меня глупцом? Почему я должен верить твоему языку? Мои уши слышат голос только одной стороны.

Джемалдин-бек окаменел скулами; от неожиданности, против воли, подался назад. Неподвижные глаза имама – вершителя судеб – сурово взирали на него и, казалось, прожигали насквозь, издевались и сулили ему одно – поражение.

– Я твой слуга, имам... – глухо, почти зло прорычал Ахильчиев.

– И что же? – сдержанно, не повышая голоса, прикрыв веками свои широко расставленные глаза, спросил Шамиль. – Разве слуги не могут врать?

Тертый, стреляный волк Ахильчиев собрал волю, хотел ответить в свою защиту, но слова набились во рту, мешая друг другу, а глаза видели перед собою лишь огненно-красную гущу стриженной бороды, которую разрезала кривая ухмылка.

– Я твой мюршид, Повелитель. Прикажи прыгнуть в пропасть...

– Знаю. Прыгнешь. Куда ты денешься... – все так же монотонно продолжал имам. – Впрочем, у тебя есть выбор... Умереть сейчас же – тебе вырвут язык, а потом отрубят голову... или испытать волю Аллаха.

– Что я должен сделать? – хрипло проклекотал Джемал, проталкивая репы слов сквозь пересохшее горло. Глаза его затравленно бегали, словно искали, откуда последует удар.

За спиной имама стояло не менее двадцати мюридов, и все они держали шашки наголо.

– Тебе оставят кинжал и бросят в яму к голодным волкам... такова воля Аллаха. Скажи правду, Джемалдин-бек, так будет лучше и для тебя, и для меня.

– Я готов, – безлико прозвучал ответ.

– Сказать правду?..

– Прыгнуть к волкам! – вновь закипая ожесточением, пузырящимся голосом огрызнулся мюршид.

– Теперь... верю тебе. – Имам провел ладонями по лицу. – Успокойся, достойный. И камень смеется раз в году. Знаю, велик и богат ваш аул. Люди его никому не платят дани. Мечеть вашего рода всегда была на поле брани, а свободные сыны ваши закалены, как булат, в огне Газавата. Дела их громки и в нижних, и в верхних аулах, и сердце уруса ни разу не миновал их меткий свинец. Теперь же слушай и делай выводы, Джемалдин-бек. Люди часто спрашивают у мудрецов: говорят ли с нами голосами праотцов горы и родники, могилы и руины боевых башен... Или нам – живущим – это просто кажется...

Имам остановил свою неторопливую речь, щупая взглядом ледниковые папахи гранитных великанов, стоящих на страже горных перевалов, затем улыбнулся глазами.

– Не труди свой лоб, послушник. Не ищи ответов в рокоте водопада. Не всем смертным дан этот дар... Следуй зову своего сердца. Ведь оно приказывает тебе выполнить волю предков. От себя скажу: проявившим в бою трусость мы пришиваем на одежду кусок войлока. Только пролитая кровь или смерть, только храбрость, проявленная в сече, может снять с труса презрение людей. Но ничто не может быть оправданием предательству. Изменникам лучше находиться в земле, чем на земле. На этом все. Да обрадует тебя Аллах... да будет быстр твой конь и остра твоя сабля на тропе мести.

* * *

...А потом пролилась кровь беззащитного Аргуни. Невинного Аргуни...

Но с того рокового дня – потерял ахильчиевский тейп покой. Просчитался Джемалдин-бек. Смертельно просчитался, будто и не чеченцем был... Не всех смогли, не всех мужчин сумели вырезать его шашки...

Безмерной гордыней высеченный из гранита кровавый ключ отныне не желал знать берегов... И старики соседних аулов с тревогой и скорбью предрекали клокотать ему для многих поколений. Безмерная чеченская гордыня ахильчиевцев породила безмерную чеченскую ненависть бехоевцев. Исключительную ненависть.

Бисмилла. Аррахман. Аррахим. Что случилось, то случилось. В противостоянии канлы – обычно брал верх тот, у кого был больше аул, у кого в роду было больше кинжалов⁸¹... Но не всегда волчья стая может умыть свои морды кровью оленя. Тем более, если олень этот способен обернуться свирепым, коварным барсом. Тут выдерживал над другими тот, у кого были крепче нервы, зорче глаз, тверже рука и бесшумнее поступь.

Обломали свои клыки и когти волки Джемалдин-бека в поимке Дзахо – Снежного Барса. Сколько коней загнали, сколько пороха и свинца расстреляли в призрачные тени, но нашли только горечь утрат своих родственников и друзей...

Все, кто бежал в горы, кто уберёгся от ахильчиевских сабель, кто был еще способен держать в руках оружие – мстили теперь убийцам. С мужьями, отцами и братьями абречили женщины. Укрывшись в скалах, в дремучих лесах, кровники не уставали отливать пули и шептать заклинания над ними. Тайком, по козым тропам спускались они с гор, под видом мирным крестьян просачивались в дружественные селения, скупали на рынках «промысловый» порох⁸², сушеное мясо, муку.

Что ни ночь – шум и тревога в Аргунском ущелье.

– Убили! Хожбауди – убили! У родника Мовчи и Саламбека бехоевцы зарезали! Дадай, беда! Безысходная беда! Будьте вы прокляты, шакалы! Да иссохнет ваш род, ядовитые змеи!

...Но больше других мстил и наводил суеверный ужас на ахильчиевцев вчера еще никому не известный юноша – полукровка Дзахо Бехоев. Как демон, как хищный ненасытный зверь, бесшумно рыскал он вокруг погруженного в траур аула; терпеливо выжидал время для стремительного броска с одной лишь целью – добыть новую кровь за свою родню. Точно проклятые Тьмы, он объявлялся на горных тропах; зажатые теснинами и курящимися туманами пропастями, они являлись добрым подспорьем для абреческой мести. Много раз выходил так на дорогу Дзахо. Много раз убивал. Его сталь и свинец не знали пощады и промаха. Смелых, отчаянных нукеров Джемалдин-бека убивал Бехоев, родственников его убивал. Надо было всю

⁸¹ Каждый мужчина на Кавказе имел кинжал. Его отделка и качество характеризовали владельца. Принадлежность кинжала к национальному костюму, обязательное ношение с черкесской с 12–14 лет способствовали сохранению качества клинков, улучшению отделки ножен и рукоятей.

⁸² Во время Кавказской войны (1816–1865) горцы научились изготавливать артиллерийские орудия и снаряды. Только на заводе в столице Имамата – ауле Ведено было отлито 60 орудий. Производством руководил оружейник из Унцукула Джабраил Хаджио. Чтобы ружья и пушки стреляли, был необходим порох. И если адыго-черкесские племена могли получать его, несмотря на морскую блокаду, от турецких и английских контрабандистов, то горцы Дагестана, Чечни, Ингушетии такой возможности были практически лишены. Им приходилось изготавливать порох самим. Кстати, делать качественный порох горцы научились у русских перебежчиков, которых в Имамате было немало. О том, как это делали дагестанцы, писал в своем дневнике пристав при Шамиле в г. Калуге А. И. Руновский: «В каждом ауле на площади, служащей жителям сборным пунктом для торга, мены и джигитовки, всегда есть подле мечети огромный камень с выдолбленной в середине довольно глубокой ямой, так, что он представляет собою грубо сделанную ступку. Каждый горец, нуждаясь в порохе, берет все нужные для того материалы, кладет их в общественную ступку, придвигает к ней другой камень и укрепляет на нем деревянный рычаг, который при помощи товарищей приводит в движение. Рычаг этот не что иное, как длинный деревянный брус, к верхнему концу которого приделан деревянный пест. При действии рычага этот тяжелый пест раздробляет селитру, серу и уголь и обращает их наконец в порошок. Через вспыскивание водою порошок обращается в тесто, которое перекладывается в мешок, сшитый из невиданной тонкой подбрюшной кожи барана. Усилиями нескольких человек мешок этот приводится в быстрое движение, продолжающееся до тех пор, пока из теста не образуются зерна. Тогда их пересыпают в решето и просеивают, после чего они обращаются в зерна более мелкие, которые и составляют порох окончательно готовый. Оставшееся в решете тесто выкладывается обратно в мешок и снова подвергается трясению. Приготовленный таким образом порох имеет форму чрезвычайно разнообразную и цвет буро-зеленый; при небольшой сырости подвергается порче, а при сожжении оставляет после себя много копоти. Полировка пороха горцам была неизвестна; составные его части не всегда кладутся в надлежащей пропорции, отчего выделяемый горцами порох не имеет ни определенной формы, ни должной прочности, весьма чадит и вообще редко бывает хорошего качества... Посему порох считался и лучшим трофеем. Порой его удавалось покупать или выменивать туземцам в царских крепостях у неблагонадежных поляков...».

породу покончить. Словом, мстил Дзахо. Хорошо мстил – люто. Потому что горец, абрек, потому что мужчина.

Плохо – потому что еще больше новых кровников приобрел Бехоев. Потому что ближе призвал свою смерть. Из соседних и дальних, из совсем далеких аулов стали охотиться люди за его кровью. Для того, чтобы выйти к ручью напиться, он, как зверь, делал большой круг, изучал чужие следы, путал свои, подолгу выжидал, прежде чем утолить жажду. И, как молитву, не уставал повторять абреческую заповедь: «Ночью не курить. Огонь не разводить. Винтовку держать в чистоте, порох сухим, лошадей под седлом... Мало говорить – много слышать. Никому не верить. Бороться со сном. Помнить, что всякая опасность может продолжаться не более полчаса: или тебя убьют, или ты убьешь – главное, иметь терпение на полчаса».

...По воле Аллаха оказавшись в отряде шалинского мюршида Занди, Дзахо принял Газават, обвязал папаху белой чалмой – и сразу получил защиту. Вдохнул свободнее. Слава Небесам – среди мюридов не было родственников его канлы. Можно было спокойно спать у костра, завернувшись в бурку, не озираясь, точить шашку. И Дзахо Бехоев стал со рвением отбивать пули против Белого Царя. Но не потому, что с ним враждовал великий, непримиримый Шамиль. Чалму послушник Бехоев стал носить не ради имама, а для спасения своей правоверной души. Дзахо ненавидел гяуров, пришедших с оружием в его свободную и гордую страну, потому что любил каждый камень на горных тропах своей Чечни.

Охваченные пламенем равнины могут погаснуть, но огонь праведного гнева и мести в сердце горца – никогда. «Разве огонь, горящий в груди джигита, боится крови? Он даже ищет крови, как умирающий от жажды – воды... Он даже просит крови, как пустыня – воды. Иссохшие, истрескавшиеся, опаленные, сожженные внутренним огнем губы разве не шепчут: “Воды, воды!”?»

Вода и огонь... как месть и кровь, из века в век сопутствуют друг другу.

Горы просят огня, а долины – воды. Кавказ – это и горы и долины. Он просит и огня и воды»⁸³.

...Выйти же к Шамилю с открытым сердцем Дзахо не мог, а тверже не желал: через него – имама Шамиля – ахильчиевцами были убиты его родственники, погибла Бици, разрушен был до основания родовой дом, осквернен источник. А для каждого горца это святые понятия: «Очаг – сердце дома, родник – сердце аула».

Между тем война бросала Дзахо по всему Кавказу⁸⁴: в каких только горах ему не пришлось побывать, какие племена не увидеть...

⁸³ Гамзатов Р. Мой Дагестан.

⁸⁴ В период народно-освободительной борьбы горцев Северного Кавказа под руководством имамов Кази-Муллы, Гамзат-бека и Шамиля (30–50-е годы XIX в.) было создано независимое государство свободных горцев – Имамат. Имамат включал в себя общества Нагорного Дагестана, земли ликвидированного Аварского ханства, почти всю Чечню, Ингушетию, большие части Тушетии и Хевсуретии. Мощное влияние его сказывалось и на Западном Кавказе. Численность населения Имамата составляло около 450–500 тысяч человек, территория – 900–1000 км в окружности. Границы государства часто менялись в зависимости от военных успехов или неудач. Имам Шамиль, избранный главой государства, обладал духовной и светской властью. Население Имамата было разноплеменным, разноязычным и поликонфессиональным, насчитывая до 50 народов и народностей. В этом многонациональном государстве Шамиль проводил демократическую политику, которая признавала всех людей, независимо от расовых или религиозных различий, равноправными гражданами. Русских, украинцев и поляков (принявших ислам), перешедших на сторону горцев, называли «наши русские». На территории Имамата были почти полностью уничтожены все феодальные привилегии и установлено относительное равенство. Личные качества – отвага, ум, преданность Газавату – Священной войне с неверными (гяурами, или кяфирами) – могли поднять человека на более высокую ступень социальной лестницы. Корнем всех зол (и личными врагами) Шамиль считал горскую знать и беспощадно с ней боролся. Тех, кто не принимал его условий, он уничтожал; конфисковывал в государственную казну их земли и имущество, а самих беков и ханов селил в далеких высокогорных аулах как ссыльных, оставив лишь необходимый для ведения хозяйства минимум. В Имамате существовала четкая организация административно-территориального управления от высших государственных звеньев к низшим. Для решения важнейших дел, относящихся к управлению государством, в 1841 году был учрежден Государственный совет (Диван-хана). Членами его, кроме самого имама Шамиля, были духовные руководители, ученые, заслуженные наибы и просто уважаемые в народе люди. При решении военных вопросов голос Шамиля был решающим; прочие дела решались, как правило, большинством голосов.

...Летучий отряд мюршида-мазуна.⁸⁵

Занди то рассыпался на части, то вновь соединялся, грозно блистая шашками перед форпостами врага; проходя через разоренные русскими аулы, мюриды не забывали помочь одноверцам: раздавали мясо, муку, зерно, делились порохом и свинцом, делились последним...

...Грозные сороковые пушечным громом и огнем прокатились по Северному Кавказу. Перевалы Чечни, Ингушетии, Дагестана были черны от беженцев. Горные тропы возносили с равнин на хребты десятки тысяч восставших людей. Их глотки задыхались в проклятиях, их чувяки и чакмаи⁸⁶ не знали подметок; из ступней сочилась черная кровь, а студёный, пронизывающий до костей ветер горных вершин рвал и вздымал лохмотья их одежд.

...Весной 1840 года жители Чечни и горной Ингушетии вновь взяли за оружие и присоединились к Имамату. Многие из ранее назначенных царскими приставами старшин бежали в новую столицу горского сопротивления – Дарго⁸⁷. Вожди приходили к Шамилю и разбивали перед ним о камень старшинские значки.

...Свыше двадцати лет даргинцы оставались в подданстве России. В 1826–27 годах они не откликнулись на призывы эmissаров шахской Персии вынуть клинки из ножен против «неверных». Однако их горячие сердца не смогли остаться в стороне от священного Газавата под руководством имама Шамиля, и осенью 1843 года огромное ополчение Акушинского союза⁸⁸

⁸⁵ Имамат делился на мудирства и наибства – округа. В мудирство, которым управлял мудир, входило несколько наибств. За время правления Шамиля было организовано в общей сложности свыше 40 наибств. Наибами назначались наиболее способные, преданные и испытанные в боях горцы. В обязанности наиба входили: организация войск и военных походов, охрана границ, постройка оборонительных сооружений, гражданское устройство. В отдельных случаях наиб также осуществлял судебную власть. Утверждению имамом подлежали лишь смертные приговоры. Население содержало наибов за свой счет. Каждое наибство делилось на районы или участки, которые управлялись мазунами (пятисотенными начальниками). В обязанности мазуна входили заготовка провианта, сбор вооруженных горцев по тревоге, набеги на неприятельские колонны, форпосты. По первому зову он со своим отрядом должен был явиться к наibu. Власть на местах находилась в руках выборных вождей – старшин, которые исполняли распоряжения наибов и мазунов, созывали народный сход, военный совет, организовывали сбор податей, мобилизацию населения и т. п. Подобная система управления была чрезвычайно гибкой и эффективной, просуществовав во многих регионах Дагестана и Чечни до 1859 года // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке.

⁸⁶ К мужской обуви относились мягкие сапоги (у аварцев – «чакмай»), кожаные башмаки (от *туркск.* «басмак» – наступать) на толстой кожаной или деревянной подошве, с низким каблуком и загнутыми вверх носами; чувяки из цельного куска сыромятной или дубленой кожи, сложенного вдвое, и обмотки (у кумыков – «долагъ»). Последние представляли собой полотно с длинными шнурами на одном конце для перетягивания ноги сверху (другое название – ноговицы). В домашних условиях повсеместно использовались носки, которые умела вязать каждая женщина. Для прочности к носку иногда подшивали сукно, холст или замшу. Поверх носков надевали мягкие сафьяновые сапоги, голенища которых покрывали ажурной строчкой. Основу таких сапог составляли тонкие, без подкладки чувяки, к которым пришивались тонкие же голенища из черного, красного, синего или желтого сафьяна. Иногда голенища не пришивались, а прикреплялись при помощи петель и пуговиц. Голенища, мысы и взъёмы могли украшаться монетами, бисером, вышивкой и т. п.

⁸⁷ Изначально столицей республики — государства горцев были аулы Ашильта и Ахульго в Дагестане. Однако после их разрушения царскими войсками – Дарго и Ведено в Чечне. Вот свидетельство одного из очевидцев: «Дарго, жилище Шамиля, заключало в себе каменный дворец и много других больших зданий, в коих помещались приверженцы его и разные заведения; кроме того, с западной стороны аула, за широким рукавом Аксая, устроены были с большими удобствами избы, служившие жилищем русским, бежавшим к Шамилю в разное время».

⁸⁸ В начале XIX века в Дагестане существовало несколько десятков независимых союзов аульских общин, которые в русских документах за свое демократическое устройство именовались республиками. Самым крупным и мощным из них был Акуша-Дарго. Акушинцы отказались добровольно стать подданными Российской Империи и 19 декабря 1819 года в ожесточенном бою потерпели сокрушительное поражение от А. П. Ермолова при селении Леваша. 21 декабря русские войска заняли Акушу. По приказанию «проконсула Кавказа» в городе соблюдался строгий порядок. Были разрушены только дома беглого Ших-Али-хана Дербентского и его сподвижников. Те события Ермолов описал в своих воспоминаниях: «Собравшиеся жители, воины и главнейшие из старейшин приведены были к присяге на подданство Императору в великолепной городской мечети; войска были под ружьем и сделан 101 выстрел из пушек. Я назначил главным кадием бывшего в сем звании <...> почтенного старика Зухума. От знатнейших фамилий приказал я взять 24 аманата (заложника. – *Авт.*) и назначил им пребывание в Дербенте. Наложена дань ежегодная <...> в доказательство их зависимости. Они обязались никого не терпеть у себя из людей, правительству вредных, были признательны за пощаду и зрили, что от меня зависимо нанести им величайший урон и бедствия. Мне при выражениях весьма лестных поднесена жителями сабля в знак особенного уважения». В 1844 году кавказское командование организовало против восставших даргинцев карательную экспедицию. Из их обществ (Акушинского, Мекегинского, Урахинского, Усишинского и Цудахарского) был образован округ, начальником которого назначили майора Оленича. Однако в том же году даргинцы вновь восстали. Союз сельских общин был восстановлен как составная часть Има-

приняло участие в походе на взявшую сторону русских Аварию. А к сорок пятому году вся земля на Восточном Кавказе уже горела под ногами царских сатрапов. Котлы и жерла каньонов дымились адским пламенем пожаров и пролитой в сражениях кровью, как некогда во времена бесстрашного Бейбулата.⁸⁹ И вновь, как десять, двадцать, тридцать лет назад, горцы перегораживали ущелья и тропы убитыми конями, обрушивали снежные лавины на солдат, устраивали обвалы в горах, взрывая порохом скалы, сами срывались орлами с высоких крепостных башен и круч на штыки!.. Именно в эти годы и дни менялся «не только внешний облик Кавказа, но даже названия мест и рек. Авар-Койсу стала называться Кара-Койсу – Черной рекой. Появились Раненые Скалы, Ущелье Смерти, кроваво прославилась река Валерик, остались в народной памяти Военная Тропа Шамиля, Дорога Шамиля, Танец Шамиля».

...Новые карательные экспедиции государевых войск не заставили себя ждать. В начале 1844 года на Кавказ прибыли: 13-я и 15-я пехотные дивизии и маршевые батальоны 16-й, 17-й и 18-й. Здесь собрался, таким образом, весь V корпус генерала Лидерса и часть VI. Вместе с линейными батальонами и казаками численность русских войск была доведена до 150 тысяч. Весной 1844 года предложено было укрепиться на Аварском Койсу и, обратившись на Чечню, разгромить «осиное гнездо» – Дарго, а на Дагестан произвести диверсию. Эта последняя была возложена на генерала Пассека, разбившего 3 июля у Гилли Кибит-Магому – одного из виднейших наибов Дагестана. Однако труднодоступная горная местность, изрезанная ущельями, бурными реками и непроходимыми лесами, отнюдь не благоприятствовала действиям крупных масс войск и их тяжелых обозов. Вскоре дела пошли совсем скверно и, как следствие, – взялись за оружие те племена, которые до сих пор оставались в стороне. Все последующие попытки правительственных войск покарать «огненный» Имамат разбились о волну всекавказского гнева и ярости.

...Много огненных верст было пройдено за последнее время Бехоевым. Много было пройдено и Ахильчиевым. И тот и другой не раз останавливали своих скакунов на дымящихся пепелищах некогда цветущих, гостеприимных аулов... И тот и другой клялись «солнцем» и «землей, на которой стоят» отомстить смертельному врагу. Кто знает, возможно, и тому и другому было стыдно за тех, кто любил кичливо называть себя «европейцами», «цивилизованными людьми», «христианами...»

...И Дзахо, и Джемалдин-бек – оба молодые, оба красивые, сильные, в разных местах Чечни помогали обездоленным, чем могли... И каждый знал, чувствовал, понимал, что нико-

мата Шамиля. Лишь к 1854 году царскому правительству удалось установить окончательный контроль над территорией Даргинского округа, поочередно входившего в состав Дербентской губернии, Прикаспийского края, а с 1860 года – Дагестанской области // Казиев Ш., Карпеев И. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. М., 2003.

⁸⁹ В Чечне и Ингушетии к началу XIX века существовал ряд независимых друг от друга политических образований, близких по структуре и принципам управления к союзам аульских общин Дагестана. Это общества: мичиковцев, ичкеринцев, качкалыковцев, ауховцев и др. в Чечне; галашевцев, карабулаков, цоринцев, назрановцев в Ингушетии. Стремясь установить надежную связь со своими закавказскими провинциями по Военно-Грузинской дороге, взять под контроль районы Восточного Кавказа, царское правительство перенесло к подножию гор линию военных постов и укреплений, обложило податями и повинностями горское население. Такая жесткая политика встретила резкое сопротивление свободолюбивых горцев и привела к ряду вооруженных восстаний. Сплотить горцев для организованного сопротивления сумел популярный в народе старшина Бейбулат Таймиев. Став одним из самых значительных вождей в истории Кавказа, он почти 30 лет руководил борьбой чеченцев и ингушей за независимость. Авторитет Бейбулата был столь высок, что генерал Ермолов вынужден был вступать с ним в переговоры. Если бы эти переговоры увенчались удовлетворительными для обеих сторон соглашениями, история Кавказа (как считают историки) могла бы иметь совсем иной вид. Однако этого не произошло. Бейбулат одним из первых организовал широкомасштабную партизанскую войну. Его «летучие» появлялись в самых неожиданных местах. Экспедиции Ермолова не принесли желаемых результатов. В борьбе с Бейбулатом Ермолов впервые применил новую тактику – вырубку лесов, открывая доступ к аулам восставших. Бейбулат был человеком государственного ума, старавшимся ввести в горах закон и порядок, справедливое и равноправное пользование землей, призывавшим соплеменников жить по правде и совести. Вместе с тем он достиг значительных успехов в политике и дипломатии, заключив договоры с соседними народами и племенами. О его миротворческих усилиях свидетельствует и А. С. Пушкин в своем «Путешествии в Арзрум»: «...Славный Бейбулат, гроза Кавказа, приезжал в Арзрум с двумя старшинами черкесских селений». Погиб Бейбулат в 1832 году. Был ли причиной его гибели заговор или это была кровная месть, так и осталось тайной.

гда не забудет и не простит супостату того, что вошло в их глаза в те жестокие дни и ночи, что ранило, подобно пуле, их сердца, опаленные отчаяньем и горем.

...Теперь всех горцев Кавказа объединяла война. Общий враг. Общая кровь. Многие старые распри были забыты. Многих канлы, мстивших за кровь своего рода, примирила смерть.

Жаль только... что ни суровые низамы Шамиля, ни сабли праведного гнева не смогли выправить кривизну заблудших душ двух сыновей Аргунского ущелья.

Ни у походных котлов, ни на военных советах, ни в жарких сечах среди пропахших порохом скал ни тот, ни другой не забывали о данной Небу клятве... И тот и другой жаждали встречи, искали друг друга на дорогах войны, чтобы свести счеты, чтобы однажды кровью канлы смыть со щита своего рода пятно позора.

Глава 8

По белесым солончакам, кое-где увенчанным известковыми гребнями, держась скрытых от глаз лощин, вел Джемалдин-бек свой поредевший от казачьих шашек и пуль отряд. Сто джигитов было в нем, сто верных мюридов, чеченцев и ингушей – прославленных храбростью... осталась лишь жалкая треть, из которой многие были ранены. Не было больше с Ахильчиевым прославленного силача Гуду из Харачоя, который мог схватить сразу трех человек и швырнуть наземь... Сложили свои головы и Вахид из Ачхой-Мартана, и Имран из Ишум-Кале... Погибли в бою с казаками и Геха Староюртовский, и Салман из Шали, и братья Дагуевы... и многих, очень многих других джигитов забрала под свои крылья смерть.

«Доблестная кончина для храбреца краше позорной жизни! – не уставал повторять своим мюридам Джемалдин-бек. – Я и вы – горцы. Мужчины. Воины Газавата. У меня, как и у вас, папаха на голове! Если не отомстим за кровь братьев, пусть насытятся нашими телами шакалы, а кости растащат вороны».

«Имя» в горах Кавказа несет в себе два значения. Во-первых, имя как таковое, во-вторых – дело, заслуги, подвиг человека. Когда рождается сын, говорят: «Ціар бугеб, ціар батаги». Это значит: «А имя пусть принесет слава. Имя без дела – пустой звук». Посему каждая горянка-мать не устает повторять своему «джигиту» в люльке: «Нет награды больше, чем имя... Нет сокровища дороже жизни. Помни и береги это, мой сын».

С молоком матери впитал в себя это горское заклинание Джемалдин-бек. И потому, несмотря ни на что, рука его уверенно лежала на рукояти кинжала, а верный конь твердо ступал по следу врага.

* * *

– Мужчине не пристало теряться в горе, – как-то, сидя у костра, рассуждал он со своим побратимом Султи. – Гяуров было слишком много... нас мало... Но это не значит, что мы опозорили свою честь. Волла-ги! Они погибли в бою, с оружием в руках, как герои! Грязные собаки ни с одного из них не сорвали папаху...

– Уо! У настоящего мужчины всегда есть враги, – мрачно согласился одноглазый Султи. – Они есть и в мирное время... Сейчас Газават... Давно Газават, брат... Не бреди свое сердце, Джемал. Наши братья уже в раю. Твоей вины нет. А врагу будем давать достойный ответ. Печаль нужна мертвым. Живым – отвага и сила.

– Вах! Молодец, Султи! – Кровь прилила к твердым скулам Ахильчиева. – Твоим языком говорит Всевышний. Хлебом клянусь, враг наш еще проклянет день своего рождения... Месть моя будет беспощадна. Я буду пытаться... этих выродков шайтана... так медленно и долго, что они будут молить – «быстрее».

Султи на время перестал натирать куском бараньего жира шашку; мазнул взглядом мюршида и подумал: «Да, с этим волком шутки плохи... Этот сумеет... Этот трижды сумеет!»

И то правда: с именем Джемалдин-бека в Аргунском ущелье и далеко за его пределами связаны были самые дерзкие набеги, разбои, горское удалство; в то время как другие мюршиды, мазуны и наибы Шамиля одухотворяли воинов-гази своей религиозной популярностью, Ахильчиев производил на людей магическое действие своей неустрашимостью и безумной отвагой. Мюриды – воины Аллаха – бросались за ним в самое пекло, шли на верную смерть, презирая штыки и пули врага. Кроме храбрости, Джемалдин-бек отличался необычайной силой воли, важным свойством не теряться в минуты опасности, а главное – беспощадной жестокостью⁹⁰. Неистовая храбрость Джемалдина была заветным идеалом, которого желал бы достигнуть каждый джигит.

⁹⁰ В действительности эта характеристика была дана грозненским начальством Саламбеку Гасаоджеву – ингушу из селения

Ему везло. Мистически везло. На протяжении всех двадцати последних лет. Для многих его врагов солнце навсегда померкло. Верная рука была у Ахильчиева. Меткий глаз. Грозное сердце.

Но вот приключилось невозможное: аргунский щенок из соседнего аула перешел ему тропу! И как?! Кровь девяти человек была на его совести... Среди них большой кунак Джемалдина – прославленный алдары Тахир, родственник Ханпаши. «Воллай лазун! Пуля аргунца-канлы сразила его наповал у ворот проклятого дома... Да-дай!»

...На мгновенье в глазах молчавшего Ахильчиева потемнело. Заботливая рука сидевшего рядом на камне Султи удержала покачнувшегося мюршида.

– Что с тобой, брат? Плохо тебе?!

Джемалдин-бек не слышал сказанных слов. Тысячи мыслей, одна мрачнее другой, черным вихрем пронесли в его голове. Сдавив золотую рукоять сабли-гурды, глядя в ночную темь, он зло процедил:

– Аллахом клянусь! Будет час, и я возьму тебя... с вершины, как ястреб наседку...

– О ком ты, учитель?! – Султи непонимающе, сверкая настороженным глазом, точно в масло вогнал в ножны натертую жиром шашку.

– Узнаешь, брат... Аллах не любит суеты, – глухо прозвучал ответ. – Поднимай людей. Рассвет скоро.

* * *

...Зализав раны после сшибки с казаками отряда генерала Фрейтага, оставив раненых в дружественном ауле равнинных вайнахов и отправив гонца с сообщением в главную ставку Шамиля, неукротимый Джемал с тридцатью шашками ушел на юго-восток в кумыкские степи. Но прежде были два дня, проведенные в горячих молитвах; военный совет и суеверное гаданье на звездах, подковах и конском волосе⁹¹. «...Нет, не Всевышний наказал меня на Совином ручье... Аллах спас меня... – обхватив руками выбритую кинжалом голову, со стоном итожил Джемалдин-бек. – Клянусь могилой отца! Кораном клянусь, я доберусь до правды, кто выдал нас выстрелом русским!»

...Разбившись на три неприметных отряда по десять шашек, они стаптывали теперь следы батальона полковника Бенкендорфа, вышедшего из Грозной на Ташки-чу. О нападении речи не шло. «Разве под утро, – думал Джемал, – если выпадет случай, угнать табун лошадей...» Но гребенцы держали ухо остро, а палец на курке крепко, помня предостережение погибших: «Не след посылать казака туда, куда можешь послать пулю».

Сагопш, который в 1906 г. входил в ядро боевой группы знаменитого чеченского абрека из Харачоя – Зелимхана – народного мстителя и борца национально-освободительного движения на Северном Кавказе. См.: Гатуев Д. Зелимхан.

⁹¹ Отмечая большую роль ислама в преодолении древних языческих суеверий горцев, Н. Грабовский пишет: «Магометанство укрепило в их верованиях понятия о едином Боге, о бессмертии души и будущей (загробной) жизни; оно поспособствовало также уменьшению тех предрассудков, которые так мешают благосостоянию ингушей-горцев». Вместе с тем в XIX веке в горах наряду с мусульманством (дагестанцы, чеченцы, ингуши и др.) и с христианством (осетины, грузины, абхазы) определенную роль продолжали играть рудименты древних верований. Ингушский ученый-исследователь Х. Акиев приводит весомые доводы в пользу того, что Тхаба-Ерды (церковь у галгаевцев) изначально было древним святилищем, посвященным богу солнца Тхъа, почитавшемуся чеченцами, ингушами и абхазами, и было построено в «вайнахском» стиле. Позже постройка претерпела ряд архитектурных изменений. Солнечному богу Арду было посвящено и множество других святилищ в Ингушетии: Мольз-Ерды, Тумгой-Ерды, Галь-Ерды, Маго-Ерды и др. Н. Грабовский описывает, как в почитаемых местах совершались жертвоприношения, на месте которых оставляли кости и рога принесенных в жертву животных (быков, баранов, оленей и пр.). При жертвенниках святых или патронов (у каждого аула был свой патрон-покровитель) состояли жрецы, которые избирались обществом пожизненно. Они же руководили торжественными церемониями. К помощи жрецов прибегали и в случае болезни или неудачи в предприятии, которые считались следствием какого-либо прегрешения. Были и женщины-знахарки, которые гадали «посредством измерения платка локтем или обматывания около ложки ваты». Гадание посредством оборачивания ватой ложки заключалось в следующем: ложка оборачивалась ватой, потом гадальщица опускала ее в чашку, наполненную водой; если ложка переворачивалась в воде, гадальщица объявляла своему пациенту, что у него «гам», т. е. имеется грех, который следует загладить каким-либо жертвоприношением.

За время движения куринцев джигиты Ахильчиева дважды пытались подкрасться к лошадям и дважды были обстреляны бдительным караулом. Наблюдая за действием с холма, Джемал видел, как к ярам, где метался табун, бежали солдаты, а казаки, припав на колени, споро стреляли по обнаруженным храбрецам. Выстрелы гулким эхом будоражили застывшую тишину рассвета.

Блеснув над головой полукружьем сабли, Ахильчиев подал своим знак отступить. Гарцующие перед врагом на лихих конях мюриды, показывая чудеса джигитовки, с беспорядочной пальбой и пронзительными выкриками «Ля илляха иль алла» стремительно, как ветер, исчезли в холмах.

...А потом они кружили, как демоны, две ночи кряду вокруг глинобитных стен спящего Ташки-чу; перекликались с холмов волчьим воем, вынюхивали, высматривали, что и как, забивали в память, сколько штыков, сколько пушек собирается злой урус выставить против горцев.

И снова Ахильчиев послал гонца с вестью в горы. Третьего! – за два дня послал, дав ему лучшего скакуна. Потому что знал, как нуждается имам в каждом новом сведении о враге, как чрезвычайно важна для него любая весть о замыслах и действиях гяуров. И еще потому, что понимал: покуда будет жив Шамиль – будет жить Кавказ, и мир будет помнить о нем и о тех, кто держит в руке пашку, кто выбрал своей судьбою Газават, кто встал под зеленое знамя Ислама.

– Через нашего Повелителя мы станем нерушимыми, а он через нас... – провожая гонца, напутствовал Джемалдин-бек. – Держи это в сердце, брат Арби. Ничего не забудь. Все передай имаму. Да будет твой путь прям, как полет стрелы. И да не коснется твоего тела ни пуля, ни штык. Аллах акбар.

– Аллах акбар!

Молодой Арби метнул свое ловкое тело в седло. С места сорвался, как ветер. Бурка и башлык мюрида были видны недолго – во весь дух помчал его конь к далеким горам. Широка, беспредельна кумыкская равнина, никем не измерена. Довольно на ней и дорог, и звериных проследков... Но глаза чеченца – орлиные глаза, а чутье чеченца – волчье чутье. Чеченец и с завязанными глазами отыщет дорогу к родным горам.

– Воллай лазун, биллай лазун... хорошо пошел джигит Арби, – глядя вослед бурому облачку, процедил сквозь белые зубы Джемал и подумал: «Горец умирает в тюрьме урусов... но не от физических страданий, а от душевных. Он от рождения не знает, что такое стена... Он свободный». И еще подумал Джемалдин-бек: «Может... этот безродный Шамиль, сын простого садовника из Гимры, наконец оценит по достоинству мое рвение?.. Может быть, скоро произведет в наибы? Тогда и у меня будут собственные дибиры-помощники... свои муфтии, свои палачи... Тогда все соседние аулы будут у меня за поясом, а уж стада мои не будут знать края».

Он прикрыл глаза выгоревшими на солнце ресницами и будто наяву узрел свое скорое будущее: вся зеленая долина Аргуни от подножия гор до отрогов ущелья была заполнена его отарами. Желанному гостю, сидящему верхом на коне, не было видно конца его тучным гуртам и резвым табунам. Прозрачный воздух, наполненный солнцем и блеянием ягнят, ласкал слух... Сердце ликовало, радовалась душа... Люди складывали о его подвигах и богатстве песни... И казалось, что вся земля и весь скот на земле принадлежали ему.

«...Вот только Дзахо Бехоев!...» Цветущие картины земного эдема затянулись багровыми тучами. И вновь заныло сердце Ахильчиева, ровно кто невидимый нанес ему глубокую рану. Джемалу тут же вспомнился недавний сон, преследовавший его ночами.

...Он спит, накрывшись буркой. Костер давно прогорел – одни рубиновые угли, как волчьи глаза во тьме. Вдруг слышит: не то вой, не то свист.

Бесшумно поднялся. Взял винтовку. Хотел разбудить верных мюридов, но никого не оказалось с ним рядом. Один, совсем один он остался. Прислушался, всмотрелся в жгучие глаза ночи... Редкие далекие звезды. Смуглые очертания горбатых хребтов. Рокот ветра и волн незнакомой реки. Больше ничего.

«Волла-ги... где я? Показалось?... Аллах милостив».

Он опустил винтовку, но снова по-змеиному зашуршал на откосе щебень. Замер Джемалдин, насторожился, неслышно взвел курок.

Во мраке, будто призрак, показался черный человек. Немой, как мертвец, только хруст щебня чуть слышен был под его осторожной ногой. Он не ответил на оклик, и Джемалдин послал в него пулю. У Ахильчиева железный глаз – с первого выстрела он сбивал установленный на камне еле видимый пятак. Знал, что не промахнулся. Мог на Коране поклясться... Но исчез черный человек в тайной тьме... чтобы вновь прийти следующей ночью...

«Билла-ги! Да поглотит тебя земля! Да засохнет род твой!» – не жалел проклятий Джемалдин-бек, а сердце-вещун подсказывало, кто это был: «Дзахо Бехоев. Дзахо-канлы приходил за твоей кровью. Берегись, Джемал! Не простит он тебе гибель своей Бици, не простит кровь Аргуни... Пока не убьешь Бехоева, не будет ни тебе, ни твоему роду покоя».

И еще шептал ему внутренний голос, предостерегал: «Берегись тайных мухтасибов⁹² Повелителя, Джемал. Их уши все слышат, глаза все видят, из языка опаснее острых сабель – все донесут, все доложат имаму... Ты обманул Шамиля, оклеветав соседей. Аргуни никогда не предавался царским сардарам. Ты знаешь это, Джемал, как знаешь и то, что нет страшнее и позорнее преступления, чем клевета на своих одноверцев. Предательство и измена – родные сестры твоему греху. Шила в мешке не утаишь. Бойся мухтасибов, Джемал. Они тоже могут узнать правду. Узнает тогда и Шамиль... Тебе ли говорить, что их глазами грозно следит имам за всеми делами Седого Кавказа...»

От таких откровений собственного сердца содрогнулся бесстрашный Джемал. Едва не потерял рассудок. Но не раскаянье когтило его судорожно вздымающуюся грудь, а страх и ненависть к аргунцу. Мысли о возможном раскрытии его кровавой тайны породили в нем образ проклятого Бехоева, первого виновника случившейся беды, убийцы Тахира и других его кунаков и родственников. Дерзкое молодое лицо мстителя, точно вычеканенное из бронзы, смотрело на него холодными ястребиными глазами. И такое бешенство испытал Ахильчиев, такую иступленную ненависть и неодолимое желание собственноручно выколоть эти глаза, отсесть эту голову и бросить под копыта своего табуна, что растерявшиеся по первости мюриды подумали, что их предводитель лишился разума.

– Отпустите меня! Ва-а! Зачем схватили?! Клянусь Пророком, я хочу перерезать глотку тому, чьи руки украли нашу Бици! Убили Тахира-а! О, честь моя! Волла-ги!.. Презренный пес! Ты ответишь за наш позор! Доберусь до тебя!!

Широкий вайнахский кинжал⁹³ сверкал в дрожащей от напряжения руке Джемалдин-бека. Но ее крепко, как и другую руку, держали послушники. Они и впрямь решили, что их вождь не вынес гибели своих близких и потерял рассудок. Не зная, чем ему помочь, как успокоить, они только обезоружили его силою, связали башлыком руки, силком усадили на бурку.

Он продолжал рычать, как раненый зверь, скалить зубы, но никто больше не слушал его. Из-за холма раздался тревожный переливчатый свист костяного рожка-ствири.

– Это Маджид!

⁹² В Имамате Шамиля существовал негласный институт мухтасибов. В их компетенцию входил тайный контроль за деятельностью высших должностных лиц. Мухтасибы, внедренные Шамилем повсеместно, сообщали имаму о результатах своих наблюдений, секретных расследований для принятия надлежащих суровых мер.

⁹³ И. Асхабов пишет: «...До XIX в. чеченские кинжалы отличались большими размерами. Они имели ребристую поверхность и были сходны с мечами римских легионеров и гладиаторов – гладиусами, но с более удлиненным острием. Их ширина доходила до ширины четырех пальцев (7–9 см), длина – до 60 см, что соответствует размерам гладиуса. Доли на ранних кинжалах зачастую отсутствовали или имелись только по одной... С середины XIX века и особенно к концу Кавказской войны кинжалы видоизменились. Крупные образцы (называвшиеся в народе “беноевскими”) стали вытеснять более легкие и изящные кинжалы, с наличием одного, двух и более долов... Кинжалы с очень тонким с удлиненным острием назывались противокочужными и широко использовались в сражениях. Их можно встретить и поныне».

Все схватились за оружие. Султи мгновенно развязал наставника. Опасность, нависшая над ними, как ушат ледяной воды охладила одержимость мюршида. Сжав губы и сдвинув черные брови, воины залегли за камнями, выставив стволы ружей, и лишь глаза их горели недобрым огнем. Впереди послышался нарастающий грохот копыт.

Ждали боя, погибнуть бесславно – позор. Каждый мечтал быть воспетым в песнях, быть гордостью друзей и соседей. Неосмотрительных в горах презирают, смеются над их оплошностью. Погибшим в схватке с врагом – сочувствуют, восхваляют, мстят за их кровь.

...Маджид выпорхнул из-за холма в раскрылатившейся черкеске. Конь под ним был в мыле, растрепанная грива космами развевалась на ветру. Вскинув руку с винтовкой, всадник резво съехал с бугра. Конь под ним заплясал, приседая на задние ноги, а он, перевесившись на седле, крикнул Джемалу:

– Гяуры! Много гяуров! Идут к нашим горам!

* * *

Рассвело.

Мюриды, сделав бросок на запад, вышли во фланг русским и... не удержались от стоны ярости.

– О, Аллах! Откуда их столько?! Когда их собрал шайтан?

Вместо одного батальона полковника Бенкендорфа, усиленного двумя сотнями гребенских казаков, их изумленным глазам представился железный поток штыков, которому, казалось, не было ни конца, ни края.

Полный черных предчувствий, томимый зловещей думой, Ахильчиев взялся угрюмо считать сотни... и не считал врагов. Ни он сам, ни его бывалые воины не видели еще никогда такого количества солдат. Русских было больше чем много.

Главный сардар-паша урусов ехал в голове войсковой колонны на отменном, рыжей масти английском жеребце, пружинистым ровным шагом, задавая ритм. Видно было, что опытный седовласый генерал берег силы для трудного перехода, учитывал натуженный ход упряжек горной артиллерии и медлительность фургонов с поклажей.

Главнокомандующего окружала огромная свита из адъютантов в кавалергардских, уланских, гусарских, драгунских и кирасирских мундирах; brave и удалые гвардейцы⁹⁴ были готовы в любой момент дать встречный бой неприятелю.

В колонне, следовавшей на Дарго, отдельными ее когортами⁹⁵ двигались сводные полки известных на Кавказе боевых генералов, отдельные батальоны и роты саперов-подрывников, вызванные из фортов; отряды гренадеров, стянутые к Ташки-чу с различных участков Восточной Кавказской линии. Эти отряды шли со своими обозами, со своим продовольствием, фуражом и знаменами. Вестовые и прочие порученцы разных мастей, точно ласточки перед грозой, носились на лошадях взад и вперед, связывались с головой колонны, с невидимым, ушедшим вперед авангардом и казачьей разведкой. Весь этот запорошенный пылью равнины подвижный поток мрачно грохотал, лязгал металлом, скрипел лафетами и колесами орудий, обменивался краткими, лающими командами.

Всматриваясь в боевые полки, идущие тесными рядами, в поблескивающие бронзой батареи, глядя на веющие на ветру султаны офицеров, на туго хлопающие шелком и бархатом знамена, в мятежных складках которых, распластав крылья, воинственно парил имперский двуглавый орел русского царя, слыша отрывистую, сыпучую дробь барабанов и задиристое

⁹⁴ Гвардия (*фр.* garde – стража): 1) первоначально – личная охрана главы государства или военачальника; позже – отборные части войск. В России гвардия существовала со времени Петра I до революции 1917 г. Воссоздана на новой основе осенью 1941 г. Звание гвардейских присваивается особо отличившимся, образцовым частям, соединениям и кораблям Вооруженных Сил России; 2) в зарубежных государствах – особые формирования для военных или полицейских целей (гвардия – республиканская, гражданская и т. д.).

⁹⁵ Тактическая единица римской пехоты; крепко сплоченная группа людей (*лат.*).

посвистывание флейты, Джемалдин-бек со страхом для себя вдруг испытал священный трепет перед всей этой послушно управляемой стальной мощностью.

...С рождения никого не боялся Ахильчиев. Никогда ни перед кем не кланялся. Уважать уважал, но не боялся. Разве только Всевышнего, да последние годы еще Шамиля... Намаз Джемалдин совершал, как все правоверные, однако после омовения, в личной молитве ду'а – ничего не просил у Неба. Всю жизнь опирался на горскую заповедь, как на посох: «Если ты джигит, если у тебя папаху на голове... возьми звонкую саблю, острый кинжал и быстроногого коня. Зачем надеяться на чью-то помощь? Докажи, что мужчина! Добудь все себе сам».

...Но теперь, когда суеверный страх перед воочию представшей сокрушительной силой с головою накрыл его, как вода в половодье – прибрежный утес, Джемалдину отчаянно захотелось молиться и просить помощи у Создателя. Он готов был встать на колени, но стыдно сделалось перед своими мюридами, и, сцепив пальцы на луке седла, тихо и зло прошептал:

– Аллах велик... Иمامу нужна свиньячья кожа урусов на седла и сапоги своим непобедимым мюридам... Аллах милостив... много кожи и мяса неверных посылает Всевышний в наши горы.

Внезапно он схватился за горло, будто ему накинули на шею петлю. Потом сорвал с головы папаху и, продолжая неотрывно смотреть в сторону неприятеля, провел ладонью по лбу.

– Джемал!

– Уважаемый! Что, что случилось? Э-э?!

Окружившие своего вожака мюриды зацокали языками. Напряженно переглядываясь, они пытались понять, что произошло.

– Человека обмануть можно, Аллаха нельзя...

Ахильчиев, оттолкнув от себя джигитов, выпрямился в седле и, надевая папаху, удовлетворенно выдохнул:

– Слава Пророку, теперь я знаю, кто выдал нас русским собакам. Будьте готовы мстить за смерть наших братьев! – сказал он, но в его твердом приказе вместо жестокости и угрозы прозвучала зловещая радость.

Нежданно с равнины по гребню, где находились горцы, ахнуло несколько выстрелов.

– Казаки! – Хриплое ругательство застряло в горле Султи, пузырящаяся кровь толчками окрасила его коротко стриженую бороду. Пуля вошла ему меж лопаток. Две другие подняли песчаные фонтанчики возле копыт жеребца Ахильчиева.

– Дэлль мостугай! Горный орел – Султи! Волла-ги! Отомстим за тебя, брат!

– Уо-о-о-о-ех-ех-ех!

Мюриды ответили ожесточенным огнем в летевших на них гребенцев. Двое казаков рухнули под метким свинцом.

– Э-э, гяур! – Джемалдин-бек погрозил поднятой винтовкой рассыпавшейся лавой сотне. Он дико хохотал, посылал проклятья, счастливо озирался оскаленным горбоносим лицом на своих джигитов и, подбадривая их, кричал: – Наш еще будет рэзат твой глотка, гяур. Билла-ги!

Мюриды, гарцевавшие на гребне и спешно перезаряжавшие свои винтовки, в знак презрения развернули своих коней крупами к врагу и задрали скакунам хвосты.

Точно услышав злые ругательства и проклятия горцев, со стороны русских войск, продолжавших движение, рывкнула пушка горной батареи. Ядро, рассекая свистящий воздух, с раскатистым ревом пролетело в пяти-семи саженях над головами гребенцев и гулко ударило, захлестнуло рыжим огнем известковое взлобье холма, сотрясло землю, будто в нее вогнали чутунный клин.

Оглушенные кони мюридов шарахнулись в разные стороны. В лицо Ахильчиеву ударило жаркой волной, папаху присыпало вывороченным суглинком. На опаленном холме, в бордовой каше кишок, остались лежать семеро его храбрецов... А над развороченной макушкой холма,

где еще минуту назад в седых клубах дыма, песка и пыли огненной воронкой проворачивалось пламя, показались пики казаков.

Глава 9

Джемалдин-бек сморгнул выбитую скачкой слезу, прислушался к глухим ударам сердца: «Да распорются животы неверных! Да захлебнутся они собственной кровью! Ля илла-га иль-алла!» Десять отважных сердец из его отряда вновь забрала смерть. Некогда было ловить разбегавшихся по степи скакунов. Некогда было заниматься убитыми. Плохо.

Двадцать воинов-гази осталось с ним. Всего двадцать папах уцелело. Нет среди них больше его побратима Султи – остались только память и месть.

...Мчались бездорожно к торному шляху (что соединял русскую крепость Внезапную с Ташки-чу); по нему было легче уйти от погони. Но разделившаяся на два отряда сотня есаула Румянцева отрезала им путь.

Кони то стремительно неслись, сгрудившись вместе, то вдруг рассыпались веером, уходя от горячих казачьих пуль.

...Не доезжая спасительного кургана, наскоро затаились в овражье. Тяжело. Идущий враздирку отряд во главе с Моздоком напоролся на засаду и, потеряв четверых, остановился. Спешился. Мюриды вскочили на лошадей.

– К кургану, братья!

Но до кургана далеко. Он, как мираж, лишь кажется близким.

У старого, давным-дано пересохшего колодца Кумык-су опять пальба. Пострелялись с казаками чечены. Джемалдин приказал своим уходить в лабиринты кургана. Сам остался: отбивать наступавших гребенцев Румянцева. Но не один остался. Против воли мюршида рядом с ним стреляли крымские ружья Хафиза и Вали. Зло стреляли. Метко стреляли. Еще двоих казаков ранили, одного убили. Хафиз Ножайюртовский военную песню запел. Как отец пел, как дед пел, как прадед...

Но и казаки бабами не были – с детства на коне, при оружии. Пули их совсем рядом, свистя и жужжа, срезали жухлые стебли ковыля и татарника, обивали камни обвалившегося колодца, за которым укрылись мюриды. На беду, отвязавшийся от общего узла конь Вали вырвался из укрытия. Для горца конь второй после человека – брат и кунак. Бросившийся спасать гривастого друга джигит был тут же смертельно ранен. Конь убит.

– Волла-ги!

Судорожно корябая землю кинжалом, Вали Атагинский хотел было подняться и броситься в шашки на ненавистных урусов... Но новый залп вырвал из него жизнь.

– Билла-ги!

Хафиз, расстрелявший весь свой запас пуль, подполз к убитому, закрыл его остекленевшие глаза; они пристально и серьезно смотрели на яркое синее небо, в них отражались белые папахи кучевых облаков.

– Талла-ги! Прости, брат. – Хафиз быстро выбрал нерасстрелянные заряды из намокшей кровью черкески. – Тебе они... больше не понадобятся. Я отомщу гяурам за твою кровь.

Ахильчиев меж тем тихо тянул молитву во славу Аллаха, привычно заряжал винтовку и пистолеты, старательно загоняя вороненым шомполом обернутые в промасленные хлюсты пули, подсыпал из рога серый порох на полки⁹⁶ и проверял, надежно ли ввинчены кремни. «Что ж... будем биться, пока есть силы... пока стучит в жилах кровь...» – мрачно думал он, поглядывая на подползавшего Хафиза.

...Но то ли Небо услышало молитвы Джемалдин-бека, то ли казаки усомнились в количестве отчаянных горцев, засевших в развалинах Кумык-су... Но драгоценное время было выиграно.

⁹⁶ Часть затвора для насыпания на нее пороха у старинных кремневых пистолетов и ружей.

– Аллах акбар!

Вайнахи наудачу разом спустили курки. В пороховом дыму взлетели на коней, в облаке пыли понеслись к кургану.

* * *

– Оборони Христос! От меня не уйдут, чучелы!

Максюта вскинул к плечу тятино ружье, на миг прищурил левый глаз и, по-казачьей, сызмальства усвоенной привычке шепнув: «Отцу и сыну», послал пулю... То ли он, станичник Лучев, не умел стрелять влет фазанов!

Вали Атагинский, уходивший целиной на крапчатом коне, выронил из рук сверкавший полумесяц сабли, кувыркнулся с седла и камнем упал в ковыль.

– Есть! – радостно и азартно вырвалось из груди Максюты. – Вот тебе пиковый король, гад! Абы ты ко мне с подарком приехал, тадыть другой и бесед у нас с тобой был, кунак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.